

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Символы
распада

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Символы распада

«PEN-клуб»

1998

Абдуллаев Ч. А.

Символы распада / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1998 — (Дронго)

Страшно, если уникальное, сверхсекретное оружие, только что разработанное в одном из научных центров России, попадает вдруг не в те руки. Однако что делать, если это уже случилось? Если похищены два `ядерных чемоданчика`? Чтобы остановить похитителей, пока еще не поздно, необходимо прежде всего выследить их... Чеченский след? Эта версия, конечно, буквально лежит на поверхности. Однако агент Дронго, ведущий расследование, убежден – никогда не следует верить в очевидное. Возможно – очень возможно! – похитителей следует искать не на пылающем в войнах Востоке, но на благополучном, внешне вполне нейтральном Западе... Где? А вот это уже другой вопрос. Вопрос, от ответа на который зависит исход нового дела Дронго...

Содержание

Начало	5
Часть первая	9
Юг Западной Сибири	9
Москва. 5 августа	16
Москва. 5 августа	22
Санкт-Петербург. 5 августа	25
Москва. 5 августа	28
Поселок Чогунаш. 6 августа	31
Москва. 6 августа	39
Поселок Чогунаш. 6 августа	42
Санкт-Петербург. 7 августа	45
Вашингтон	48
Поселок Чогунаш. 7 августа	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Чингиз Абдуллаев

Символы распада

Если ты в день бедствия оказался слабым, то бедна сила твоя.
Притчи, 24, 10

Начало

Он взглянул на часы. Уже половина десятого. Неужели встреча не состоится? Он сжал губы, твердо решив ждать столько, сколько понадобится. В конце концов этот кретин обязан появиться. Если учесть, что их встречи всегда проходят в неудобное для обоих время и случаются не так уж и часто, можно предположить, что и эта произойдет со значительным опозданием. Впрочем, за последний год он уже привык к необязательности своего партнера. Однако сегодня тот не может не прийти. У него, кажется, все уже получилось, и теперь нужно только обговорить последние условия. Вот наконец и он. Опоздал на целых тридцать пять минут. Впрочем, это на него похоже. Ученые всегда такие рассеянные.

Человек, подошедший к нему, снял очки и взглянул с испугом.

– Здравствуйте, – несколько сконфуженно сказал он, приглаживая растрепавшиеся волосы, – кажется, я немного опоздал.

– Вы опоздали на полчаса, Александр Никодимович, – грубо ответил ожидавший его человек. – Почему вы пришли с пустыми руками? У вас опять ничего не получилось?

– Я все сделал, – вздохнул Александр Никодимович, – сделал. Вчера трижды проверял. Все получилось как нужно. Фон абсолютный. Ничего невозможно заметить. Полная блокировка. Но только на время. Потом все равно пластины нужно будет выбросить.

– Где? – мгновенно последовал вопрос.

– У меня в автомобиле. Но я хотел бы обсудить с вами варианты оплаты.

– Получите, как договаривались. Сто тысяч долларов, – негромко ответил собеседник Александра Никодимовича и нервно застегнул свой черный плащ. – Где вы оставили машину?

– Во дворе, как обычно. В последнее время у моей «Волги» все время барахлит мотор.

– Купите себе «Мерседес», – грубо предложил заказчик. – Вы же получили половину суммы в качестве задатка. Идемте к вашей машине.

Они двинулись в ту сторону, откуда появился ученый.

– Вы знаете, сколько у нас было долгов? – вздохнул Александр Никодимович. – Машину я решил купить на вторую часть гонорара. И потом – больше половины денег я потратил на опыты. Вы должны это оценить и возместить мне эти затраты.

– Об этом еще поговорим, – недовольно отозвался человек в темном плаще. – Александр Никодимович, идемте быстрее, у нас мало времени, – поторопил он своего спутника, оглядываясь по сторонам.

– Да-да, конечно. Машина вон в том дворе, – показал Александр Никодимович, снова надевая очки. На нем было довольно старое, потертое, но все еще сохранившее остатки прежнего великолепия серое австрийское пальто и несколько стоптанные, но весьма приличные туфли. Опытный наблюдатель, отметив все эти детали, мог бы сделать вывод о прежней вполне обеспеченной жизни ученого и о его нынешнем бедственном положении.

– Быстрее, быстрее, – торопил его заказчик. Несмотря на спешку, он успел несколько раз как-то внимательно и хищно оглядеться по сторонам. Все вроде в порядке. Заказчик был довольно молод. Лишь редющие волосы не гармонировали с его статной уверенной фигурой.

– Вы знаете, – задыхаясь от быстрой ходьбы, торопливо говорил Александр Никодимович, – я думал, что у меня ничего не получится. Когда вы мне объяснили, что именно вам от меня нужно, я был уверен, что ничего не выйдет. Но не хотел вам говорить. К тому времени я уже был должен, по-моему, тысяч пять долларов. Для меня по тем временам фантастическая сумма. У меня никогда не было таких денег. А тут вы... И со своим предложением.

Они переходили улицу.

– Осторожнее, машина, – попридержал своего рассеянного спутника заказчик.

– Да-да, спасибо. Это было так необычно. И так интересно. Раньше мы работали над сходными проблемами. Но потом финансирование закрыли...

– Быстрее, – начал нервничать заказчик. – В каком все-таки дворе стоит ваша машина?

– Вот в этом, – показал ученый, – чемодан лежит в багажнике. Здесь недалеко мой гараж, поэтому мне удобно приезжать именно сюда.

– Это я уже знаю, – грубо перебил его заказчик. – Какая из этих машин ваша?

– Вон та, – показал Александр Никодимович на серую «Волгу».

Они подошли к автомобилю.

– В багажнике, – торжественно повторил ученый.

– Это не опасно? – с некоторой робостью поинтересовался заказчик.

– Нет, конечно, – улыбнулся ученый, – иначе я бы не положил их в свою машину.

Он открыл багажник. Заказчик шагнул поближе. Посмотрел, но ничего не тронул, только кивнул.

– Хорошо, – сказал он, взглянув на часы, – сейчас десять часов вечера. Ровно через два часа в вашем гараже состоится встреча. Мой человек привезет деньги и возьмет чемодан. Только не перепутайте – спуститесь вниз и ждите в гараже. Надеюсь, вы никому не рассказывали о моем заказе?

– Нет, конечно, – испугался Александр Никодимович, – как вы просили. Даже жене ничего не сказал.

– А деньги? Как вы объяснили ей наличие денег?

– Сказал, что наша лаборатория получила крупный заказ от одной компании. Мой сосед – руководитель другой лаборатории, у них в прошлом году проходил такой заказ. Все получили по пять тысяч.

– Она поверила?

– Наверно, поверила.

– Вы живете вместе с женой?

– Да, дочь с мужем живут в Ленинграде, ох, простите, в Санкт-Петербурге.

– Ровно в двенадцать, – повторил заказчик и еще раз посмотрел на чемодан.

Через два часа Александр Никодимович спустился вниз, чтобы открыть двери своего гаража. Он пребывал в самом хорошем настроении. Во-первых, он сумел сделать именно то, что ему заказывали. Во-вторых, теперь он получит целое состояние. Можно будет даже позволить себе поехать куда-нибудь за границу. Последние шесть лет они с женой никуда не выезжали, а раньше каждый год он брал туристические путевки в профкоме, и они объездили почти всю Европу.

Его убили сразу, как только он открыл дверь гаража. Убийца, стоявший внутри, просто поднял пистолет и выстрелил ему прямо в лицо. А потом сделал контрольный выстрел в голову. Несчастный Александр Никодимович уже не слышал, как кто-то другой сказал убийце:

– Поднимись наверх, там осталась его жена.

Юг Западной Сибири

Поселок Чогунаш. 11 июня

– Напрасно мы так много выпили, – проворчал Никита, усаживаясь за руль.

– Какая разница, – рассмеялся Эрик, – здесь все равно ГАИ нет. Это единственное преимущество нашего проклятого городка.

– Все равно много выпили, – упрямо сказал Никита, осторожно трогаясь с места. – Он сегодня чего-то добрый был. Обычно не такой бывает, построже.

– Понятно почему, – засмеялся Эрик, у которого вся физиономия была в веснушках, как у маленького ребенка. На вид ему казалось не больше двадцати двух. На самом деле стукнуло двадцать девять, и он работал в Центре уже несколько лет.

Никита приехал сюда гораздо позже своего напарника. Поначалу все казалось таким романтическим. Но, когда Маше здесь надоело и она сбежала обратно в Москву, Никита начал пить. И довольно быстро сдружился с Эриком, и тот однажды предложил ему нечто невероятное. Никите сначала даже показалось, что его напарник шутит. Тот был старше и опытнее и уже успел защитить кандидатскую. Предложение Эрика поначалу не просто ошеломило Никиту. Оно его испугало. Но когда три месяца подряд не выплачивали зарплату и деньги, взятые в долг, кончились, он позвонил Маше, и ее мама гневно прокричала, что девочке надоело жить с таким оболтусом, как Никита, и она уехала со своим другом в Хельсинки. Тогда он напился еще раз и пришел к Эрику, чтобы согласиться на его необычное предложение. Самым невероятным было то, что Эрик даже не удивился, а позвонил человеку, которого Никита боялся больше всех и который неожиданно появился в квартире Эрика.

Потом начались долгие разговоры, длительная подготовка. И наконец в один из дней они решили рискнуть. Все прошло нормально, даже буднично. Не было ничего необычного, ничего особенного. Стало даже немного грустно, что все так быстро кончилось. В этот вечер они собрались и выпили прямо в лаборатории. И даже втроем, чего Никита никак не ждал. Им пообещали по двадцать пять тысяч долларов, и Никита с удовольствием обдумывал, как прилетит в эту чертову Финляндию, найдет Машу, набьет морду ее хахалю и увезет жену с собой. А потом уволится с работы и на полученные деньги откроет собственное дело.

Им объяснили, что деньги будут через три дня. Никита понимал, что они с Эриком сделали нечто страшное, невообразимо ужасное, но воспоминания о Маше преследовали его по ночам, заглушая укоры совести. Эрика подобные проблемы, похоже, не волновали. Он был циником и давно махнул на все рукой, сразу согласившись на такое необычное предложение. Впрочем, Эрик, видимо, даже искал подобное предложение, так как давно хотел уехать в Израиль, благо мама у него была еврейка, и он мог позволить себе подобную прихоть.

В этот вечер у Никиты, который выпил совсем немного, сильно разболелась голова. Они выпили всего-то бутылку коньяка на троих, однако у Никиты голова болела сильнее обычного. Он подумал, что дома нужно будет принять какое-нибудь лекарство. Дома, внезапно горько усмехнулся он. Барачные трехэтажные дома были средой обитания для десятков таких молодых специалистов, как он.

Было обидно и немного грустно. Он сел за руль. Автомобиль был не его, а Эрика, который по непонятным причинам не очень любил водить машину. Старенькие «Жигули» давно пора было списывать на металлолом, но автомобиль все еще работал, и они добирались на нем до городка, предпочитая его старым, разваливающимся автобусам, оставшимся от прежних лет, когда финансирование их Центра шло по особой разнарядке.

Они выехали из Центра, пройдя все линии охраны. Никита с довольной улыбкой смотрел, как охранники привычно осматривают машину, проверяя ее на радиоактивность. Ему было смешно, и он даже хрюкнул, пока Эрик не толкнул его в бок. Все было так здорово придумано, что эти дураки даже не подозревали о том, как именно их провели.

Никита отъехал подальше и оглянулся.

– Здорово мы все-таки их обманули, – с воодушевлением сказал он Эрику, – как все хорошо придумали.

– А кто придумал? – усмехнулся Эрик. – Думаешь, он придумал? Шиш тебе. Ему бы в жизни в голову такое не пришло. Это все я придумал. Я сам. Просто мне нужен был помощник, поэтому я и согласился на его предложение. А он думает, что был самым главным.

– Ты с ним не шути, – посоветовал Никита, – мало ли что.

– Теперь уже ничего. Теперь он у нас вот где, – показал Эрик сжатый кулак, – теперь он никуда не денется. Пусть только попробует деньги зажать, я его раздавлю, гниду.

– Кончай трепаться, – испугался Никита, – пока все идет хорошо. Он ведь обещал завтра выдать нам деньги.

– Подождем до завтра, – кивнул Эрик, – а то приходит к нам, в душу лезет, пьет вместе с нами. Бойся, сукин сын, что мы его выдадим.

– Опять мимо оврага нужно будет ехать, – пробормотал Никита, – по-моему, дождь начался. Там место такое плохое.

– Если боишься, давай я сяду за руль, – равнодушно предложил Эрик.

– Ничего я не боюсь, – отмахнулся Никита, – просто говорю, что там место плохое.

Он вел машину на средней скорости. Недалеко от оврага, где было довольно скользко, Никита резко сбавил скорость, внимательно вглядываясь вперед. Он завернул влево, когда автомобиль содрогнулся, словно получил сильный толчок.

– Что это? – успел крикнуть Эрик, но Никита уже выворачивал странно непослушный руль. Если бы в этот вечер Никита пил немного меньше, он не стал бы выворачивать руль так сильно и резко. Машина завертелась на месте, ее подтащило к краю оврага, и, перевернувшись, она рухнула на его дно.

Через секунду раздался взрыв и автомобиль с двумя пассажирами вспыхнул. Неизвестно откуда появившийся мужчина остановился у оврага и долго смотрел на горевшую внизу машину. Потом повернулся и пошел к своему автомобилю. На переднем сиденье лежала винтовка, из которой он и прострелил переднее колесо «жигуленка». Незнакомец еще раз оглянулся в ту сторону, откуда поднималось пламя, и неторопливо отъехал от места трагедии.

Часть первая

ХРАНИЛИЩЕ

Юг Западной Сибири

Поселок Чогунаш. 4 августа

Вертолет мягко сел точно в середине круга, нарисованного на асфальте. Вышедшие из него военные здоровались с встречавшими их людьми. Среди гостей выделялся тучный генерал-полковник с коротко стриженными волосами. Вместе с ним прилетели еще двое: один – в форме генерал-майора, второй – в штатском. У посадочной площадки стояли автомобили, готовые отвезти прибывших в Научный центр. В первый автомобиль сел генерал-полковник в новой российской форме и руководитель группы встречающих – подвижный, сухой мужчина лет шестидесяти, академик, директор Центра.

Во второй автомобиль уселись двое гостей и начальник службы безопасности Центра.

– Как долетели, Михаил Кириллович? – поинтересовался академик у генерал-полковника, когда они сели в автомобиль.

– Все нормально, – кивнул тот, – хотя три пересадки и действуют на нервы.

– Вы же знаете, что самолеты сюда не летают. Служба безопасности считает, что это может привлечь ненужное внимание к нашему Центру.

– Ваша служба безопасности лучше бы занималась своим делом, – недовольно проворчал генерал. – Как это получилось, что у вас погибли сразу двое ученых?

– Автомобильная катастрофа. Мы все потрясены случившимся. Они из лаборатории Рафаэля Шарифова. Очень перспективные были ребята. Служба безопасности все проверила. Ребята выпили больше обычного и глупо сорвались в овраг. От удара машина загорелась. Сейчас расследованием занимается военная прокуратура. Ведь в нашем городке ГАИ нет. Некому следить за тем, кто и как ездит. Вот ребята и позволяют себе иногда расслабиться. Но я их и осуждать не могу. Сами понимаете, никаких других радостей у них нету. Раньше хоть кино привозили. А сейчас по домам сидят. У многих есть видеомэгафоны, вот они кассетами и обмениваются. Зарплату месяцами не платят, отсюда семейные проблемы. Ну, ребята и сорвались...

– Понятно, – мрачно согласился генерал-полковник, – раньше в такие центры, как ваш, вся молодежь рвалась. А сейчас никто и ехать не хочет.

– У нас зарплату три месяца не выплачивали, – сообщил директор Центра, – поэтому никто к нам теперь и не едет. Если так пойдет дальше, через несколько лет здесь одни старики останутся. И ваши охранники.

– Не допустим, – уверенно сказал генерал, потом помолчал и спросил: – Вы слышали последние сообщения, напрямую касающиеся нас?

– Кое-что слышал.

– В американском конгрессе начались слушания по проблемам ваших «чемоданчиков». Вчера там выступил академик Яблоков, бывший член Совета безопасности России и помощник Президента. Он рассказал о том, что такое оружие действительно было разработано и существует в России.

– Я об этом уже слышал, – угрюмо кивнул директор. – С Яблоковым я часто встречался в академии, всегда считал его нормальным человеком. Что на него нашло, не могу понять.

– Он бывал в вашем Центре?

– Нет.

– Вы убеждены?

– Абсолютно. Любой посторонний, даже если это президент страны, для посещения нашего Центра должен получить на это санкцию сразу в нескольких ведомствах. И пока не будет моего личного разрешения, никто сюда не попадет. Мы четко фиксируем появление любого постороннего, так или иначе попадающего в Центр. У нас отбор строже, чем у космонавтов. Нет. Он никогда не был в нашем Центре.

– Тем не менее он знает о вашей продукции.

– Естественно, – вздохнул директор, – полную секретность обеспечить, к сожалению, невозможно. В Москве достаточно людей, которые знают примерно, чем мы занимаемся. Да тут хватит и слухов, полунамеков. И потом, он входил в высшее руководство страны. Вполне вероятно, что в Совете безопасности рассматривалась эта проблема.

– Во всяком случае, он не первый, кто заговорил об этом, – проворчал генерал. – Недавно о подобном оружии говорил и генерал Лебедь.

– Ну, он просто спекулирует на эту тему, – поморщился академик, – он вообще ничего не может знать.

– Генерал уверял, что несколько «чемоданчиков» у вас пропали.

– Пропали... – усмехнулся академик. – Пусть приедет сюда лично и проверит. У нас абсолютная система учета. Ничего не может пропасть. Вы ведь знаете, Михаил Кириллович, как у нас налажена система охраны. Да и служба безопасности здесь одна из самых лучших в стране. Нашего Сырцова не объедешь, не обойдешь. Это такой придирчивый тип, что иногда даже я срываюсь. У него порядок абсолютный. Временами я завидую, как это ему удалось вымуштровать своих подчиненных. Пока не оформлены все документы, они даже мышь за ворота не выпускают.

– И тем не менее журналисты все чаще пишут о том, что часть ваших «чемоданчиков» утеряна.

– Они могут писать о чем угодно, – проворчал академик, – но у нас все в порядке. И, насколько я знаю, пока о подобном говорят только с чьих-то слов. В общем, какие-то глупые сплетни на уровне базарных слухов. Журналисты ничего не знают об этой проблеме. Они до сих пор применяют этот дурацкий термин – «ядерные чемоданчики». У читателей складывается мнение, что ядерный заряд может уместиться в «дипломате» или сумке. Мы предпочитаем называть его по-другому – ЯЗОРД, ядерный заряд ограниченного радиуса действия. Но журналистам больше нравится легенда о «чемоданчиках». Они даже не подозревают, что один человек не сможет унести такую бомбу в своем портфеле.

– И слава Богу, что не подозревают, – вздохнул генерал, – если где-нибудь появится статья о том, каков настоящий вес этого «чемоданчика», мы сразу же начнем оперативное расследование. Хватит и того, что информация об этом оружии уже просочилась в печать.

– Мы проверяли много раз, – упрямо сказал директор Центра, – с нашей стороны все в порядке. Это там, в Москве, постоянно происходят разного рода утечки информации.

– И тем не менее нам приказано все проверить, – вздохнул генерал, – вы же знаете, Игорь Гаврилович, как серьезно относятся к этому во всем мире. Американцы уже несколько раз предлагали нам наладить совместную охрану вашего Центра.

– Они предлагали совместную охрану? – удивился академик.

– Да.

– Но тогда почему они поднимают такую шумиху вокруг информации, которую получают от наших политиков?

– Специалисты и политики – разные вещи, – терпеливо объяснил генерал. – То, что знаете вы, не знает ни один депутат Государственной думы или Совета Федерации. То же самое происходит в Соединенных Штатах. Тот объем информации, которым владеют специалисты-ядерщики, отличается от той информации, которой располагают сенаторы и конгрессмены.

– Ясно, – кивнул Игорь Гаврилович. – Собственно, это было понятно с самого начала. Наши исследования проводились параллельно; здесь, как и в космосе, мы шли ноздря в ноздю. И, конечно, нет ничего удивительного, что и американцы обладают подобным оружием.

– Отнюдь не подобным, – возразил генерал. – По сведениям нашей разведки, вы их значительно опередили. Их ядерные заряды малой мощности по своим объемам как несколько больших наших. Конечно, это не очень точная и проверенная информация, но это все, чем мы располагаем.

– Я всегда говорил, что только мы и американцы можем создать подобную технологию, – продолжил свою мысль академик. – Чтобы добиться таких результатов, нужно провести целый комплекс очень и очень непростых исследований. У других стран просто нет необходимых ресурсов. Хотя французы и пытались добиться подобного результата, упорно продолжая ядерные испытания и обманывая весь мир насчет своих мнимых проблем с тактическим ядерным оружием... Но, насколько я знаю, у них ничего не вышло.

– Именно поэтому ваше оружие должно быть под строжайшим контролем, – вздохнул генерал. – Представляете, что может случиться, если пропадет хоть один подобный заряд?

– У нас не пропадет, – упрямо повторил академик. – Кстати, Михаил Кириллович, я хотел вас спросить. Почему Сырцов до сих пор не получил генеральского звания? Он ведь работает у нас уже третий год. Должность, насколько я понимаю, у него генеральская.

– Верно, – согласился генерал, – наша обычная бюрократия. Вы же знаете, как сейчас стоит этот вопрос. Повсюду идет сокращение. Считается, что у нас и без того много генералов. Поэтому в администрации Президента любое представление на генеральское звание рассматривается очень долго. Кто-то пустил анекдот, что у нас среди интендантов и военных музыкантов генералов больше, чем во многих странах Европы.

– Какое отношение это имеет к Сырцову?

– Никакого. Но пока рассмотрят его вопрос, пройдет еще немало времени. А мужик он толковый, раньше на Северном Кавказе служил. Показал себя с самой лучшей стороны. Но я ничего не могу сделать. Формально он подчиняется нам, а на самом деле руководство у нас совместное с ФСБ. Да и вообще, этой проблеме не первый год. С самого начала было поставлено так, чтобы все подобные центры курировались сотрудниками КГБ. Вот поэтому всегда и вожу с собой этих архаровцев, – показал он на следующую за ними машину. – Как только кто-то погибает, так они сразу про нас и вспоминают.

Едва машины тронулись, генерал-майор представил своего спутника полковнику Сырцову.

– Знакомьтесь, полковник Машков из ФСБ. Будет вашим новым куратором.

– А где полковник Степанов? – улыбаясь, спросил Сырцов, сидевший на переднем сиденье.

– На пенсию ушел. Он уже старый. Ты ведь знаешь, какая у нас опять реорганизация намечается, – засмеялся генерал-майор, – хорошо еще, что вас не трогают. Но ты не беспокойся, за тебя и так все хлопочут. Скоро получишь свою звездочку, будешь лампасы носить на брюках.

– Да я об этом уже и не думаю, – несколько напряженным голосом признался Сырцов.

– Думаешь, – хлопнул его по плечу генерал, – как же иначе? Генералом быть хорошо. Вот получишь новое звание, тогда поймешь, о чем я говорю. И не век же тебе в полковниках сидеть. У тебя здесь перспектива есть. Даже со временем вторую генеральскую звезду сможешь получить. Должность позволяет. Это у меня потолок, все, ничего больше не получу, пока на другое место не переведут. А у тебя перспектива...

Полковник молчал. Замолчали и его спутники. Первым нарушил молчание Машков:

– Как у вас в хранилище? Все в порядке?

– Конечно, – обернулся к нему Сырцов, – буквально пару дней назад проверяли. Все в полном порядке.

Автомобили миновали первую линию охраны. Стоявший у ворот охранник наклонился, внимательно вглядываясь в сидящих в автомобиле пассажиров. Потом отдал честь и попросил документы.

– Порядки у вас железные, – удовлетворенно кивнул генерал, доставая документы, – даже директора Центра просто так не пропускают.

– Конечно, – улыбнулся академик, вынимая свое удостоверение.

Вышедший из машины водитель открыл багажник. Двое охранников внимательно осмотрели автомобиль, проверяя его счетчиком Гейгера, словно пассажиры хотели ввезти на территорию базы нечто радиоактивное.

– Видите, как проверяют, – удовлетворенно кивнул академик. – Не только при выходе, но и при входе. Все автомобили проверяются. А когда будем проезжать вторую линию охраны, там будет еще строже. И так до самого конца. Я поэтому и уверен, что у нас ничего не может пропасть.

Охранник вернул документы и махнул рукой, разрешая машине проехать. Остальные дежурные осматривали другие автомобили. Наконец гости въехали в зону и уже значительно медленнее двинулись в сторону комплекса зданий, видневшихся впереди.

– Сколько сейчас у вас зарядов? – спросил Михаил Кириллович.

– Вообще-то это секрет, – усмехнулся академик. – Но, учитывая, что вы наш куратор... пока никаких изменений. Тридцать два. И по четырнадцать в двух других центрах. Получить подобный результат не так легко. Нужна очень высокая концентрация переработки. Каждый подобный ЯЗОРД на строгом контроле. И у нас, и в других центрах.

Они подъехали к другим воротам. К ним подошел дежурный офицер.

– Выйдите из автомобиля и пройдите через служебный вход, – предложил офицер. – Если есть что-нибудь металлическое, достаньте и положите в специальный ящик, который будет опломбирован в вашем присутствии.

– Ну и строгости у вас, – улыбнулся генерал, выходя из машины.

Они вошли в здание, миновали несколько линий охраны, при этом каждый раз офицеры тщательно проверяли каждого на металл и радиоактивность. Исключений не делалось ни для кого. Ни для директора Центра, ни для прибывшего генерал-полковника. Ни для других гостей. Даже для начальника службы безопасности Центра полковника Сырцова. Генерал обернулся к нему, приглашающе кивнул. Полковник был в штатском. В отличие от других военных, на которых штатские костюмы часто выглядят весьма непрезентабельно, полковник смотрелся щеголем. Он шагнул к генералу.

– Порядок у вас отменный, – с удовлетворением сказал генерал, – замечательно поставлена служба...

– Так точно, – улыбнулся полковник.

Теперь они остановились у зданий Центра.

– Где находятся сейчас заряды? – спросил генерал.

– Как обычно, – показал директор Центра куда-то вниз, – в нашем хранилище.

– Кто имеет туда доступ?

– Несколько человек. Но ключи только у нас двоих. У меня и у Сырцова. Если мы одновременно не откроем сейф, никто не сможет попасть в хранилище.

– Когда в последний раз открывали хранилище? – поинтересовался генерал.

– Три дня назад. Перед моим отъездом в Москву. Все было в порядке.

Внезапно завывла сирена. Генерал вздрогнул и обернулся. Навстречу им шли несколько человек, одетых как космонавты, только в гораздо более тяжелых скафандрах.

– Что-нибудь случилось? – спросил генерал.

– Все нормально, – объяснил Сырцов, – просто сейчас будут вывозить отходы. Их вывозят раз в месяц. Отходы радиоактивны, и поэтому сирена призывает всех к осторожности.

Генерал понимающе закивал в ответ. Они прошли еще две линии охраны. Перед тем как пройти к лифту, надели белые халаты. Теперь все были похожи на врачей, прибывших на консилиум. Тучному генерал-полковнику с трудом подобрали подходящий халат. Вниз они спустились в бронированной кабине лифта. Кроме директора Центра и приехавших гостей, вместе с ним спускались два дежурных офицера, полковник Сырцов и начальник лаборатории, разрабатывающей ЯЗОРДы, – немногословный мужчина лет пятидесяти. Рафаэль Шарифов пришел работать сюда еще совсем молодым человеком по направлению МВТУ имени Баумана, которое окончил с отличием. И с тех пор он работал здесь, успев защитить кандидатскую и докторскую диссертации.

Офицеры проводили гостей до дверей хранилища. Старший из них – подполковник – посмотрел на директора Центра. Тот достал магнитную карточку и протянул ее подполковнику. В свою очередь, Сырцов тоже достал свою карточку. Подполковник вставил обе карточки в гнезда и набрал известный ему код. Затем директор Центра произнес пароль, сменяемый каждый день, приложив большой палец для идентификации к экрану считывающего устройства. Компьютер поблагодарил, и через секунду загорелся зеленый свет.

– А красный бывает? – поинтересовался полковник Машков, наклонившись к Сырцову.

– Нет, – ответил тот, – мгновенно включаются сирена и система защиты, блокирующая все двери, в том числе и лифт. Если даже сюда попадет кто-нибудь посторонний с ключами, то и тогда он не сможет выйти отсюда. Отпечатки пальцев всех лиц, имеющих доступ в хранилище, хранятся в памяти компьютера.

Двери медленно открылись. Генерал-полковник, директор Центра, Сырцов, Шарифов, Машков и сопровождавший их генерал-майор прошли дальше. Офицеры остались у входа. Им было запрещено входить в хранилище.

Прибывшие нестройной колонной прошли по коридору. Директор показал на дверь, ведущую в следующий зал.

– Все заряды там, – сказал он. – Но туда мы обычно не входим без должной экипировки. Там все в порядке. Мы проверяли три дня назад. Все тридцать два заряда на месте. Еще вопросы есть?

– Нет, – весело сказал генерал-полковник, – все и так понятно. Пойдем дальше.

– Есть, – вдруг подал голос полковник Машков.

Все обернулись на него.

– В чем дело? – нахмурился академик. – Вас интересует еще что-нибудь?

– Я хотел бы войти в следующий зал.

– Но это довольно сложно. В таком виде вам туда входить нельзя. Нужно переодеться.

– Я настаиваю, – упрямо сказал Машков. – Мне нужно войти внутрь.

Директор Центра рассерженно обернулся на Михаила Кирилловича. Генерал-полковник пожал плечами. Он не хотел ссориться с ФСБ, даже если перед ним стоял обычный полковник. В конце концов, это его не касается.

– Вы хотите попасть внутрь? – растерянно спросил академик.

– Да. Я за тем и приехал. – Машков твердо смотрел на директора Центра. Тот выдержал его взгляд, пожал плечами и обратился к Шарифову:

– Рафаэль Юсупович, переоденьтесь вместе с гостем и войдите в хранилище. Михаил Кириллович, вы тоже хотите пройти туда?

Генерал явно не хотел. Он вообще не любил и боялся подобных видов оружия. Но выглядеть трусом в глазах своих подчиненных ему не хотелось. Тем более в глазах этого хамоватого полковника из ФСБ.

– Да, – сказал генерал, – я тоже войду в хранилище.

Директор Центра, уже ничего не понимая, повернулся к Шарифову.

– Приготовьте все для наших гостей. Мы пойдем вместе.

Переодевание заняло довольно много времени. На Михаила Кирилловича опять с трудом подобрали тяжелый скафандр, защищающий от радиоактивного излучения. Когда все были готовы, дежурный офицер снова взял магнитные карточки у директора Центра и начальника службы безопасности, набрал номер шифра и впустил всех внутрь.

Академик с неприязнью смотрел на настырного полковника ФСБ. Только упрямых придурков ему здесь не хватало. Они подошли к дверям, и Шарифов набрал код шифра. Двери открылись. Внутри в стерильных условиях лежали в свинцовых ящиках ядерные заряды ограниченного радиуса действия. Директор, вошедший первым, быстро сосчитал их. Слава Богу. Все тридцать два на месте. Он торжествующе посмотрел на Машкова.

– У нас все в порядке, – сказал он довольным голосом, – вы просто заставили нас потерять целый час. Хотя, наверно, вам интересно предпринять такую экскурсию.

Машков вместо ответа начал внимательно осматривать ящики.

– Кто их опечатывает? – спросил он.

– Я сам. И делал это в последний раз в присутствии вашего предшественника из КГБ полковника Степанова, – с победным видом заявил академик.

– Наша организация сейчас называется ФСБ, – чуть улыбнулся Машков.

– Да-да, извините, из ФСБ, – поправился академик. – У вас еще есть вопросы?

– Нужно вскрыть все контейнеры, – вдруг заявил этот ненормальный полковник.

– Что? – не поверил уже и Михаил Кириллович. – Как это – вскрыть контейнеры?

– Необходимо вскрыть все контейнеры, – упрямо повторил Машков, – и немедленно все проверить.

– Но почему? – разозлился генерал. – Может, вы все-таки объясните?

– У нас есть заключение прокуратуры, – мрачно сказал Машков. – Они считают, что двое ваших ученых не просто так попали в автомобильную катастрофу. Им скорее всего ее подстроили. По странному совпадению именно эти двое в последний месяц работали в хранилище. Мы считаем, что необходимо проверить все контейнеры.

– Это опасно? – повернулся генерал к директору Центра.

– Нет, – пожал плечами Игорь Гаврилович, – просто мы проторчим здесь еще целый час.

– Я прошу вас вскрыть контейнеры, – продолжал настаивать Машков.

– Ну уж нет, – разозлился вдруг генерал, – для этого имеются специалисты. Нам всем не обязательно здесь присутствовать. – «В конце концов, и моему терпению есть предел, – гневно подумал он. – И храбрости тоже».

– Согласен, – кивнул Машков, – вы уходите, а я останусь с начальником лаборатории.

– Я тоже остаюсь, – решительно сказал Игорь Гаврилович.

– Я тоже, – не менее решительно добавил полковник Сырцов. Михаил Кириллович посмотрел на стоявших рядом людей. За масками не было видно их лиц. Он вздохнул и гневно приказал:

– Мы остаемся все. Начинайте вскрывать контейнеры.

Шарифов подошел к первому контейнеру. Сорвал пломбу, поднял тяжелую плиту. Показал подошедшему Машкову содержимое. Тот согласно кивнул головой. И они перешли ко второму контейнеру. Второй, третий, пятый, десятый. Все было в порядке. После пятнадцатого генерал перевел дыхание. Все не так страшно. И довольно быстро.

– Может, хватит над нами издеваться? – саркастически спросил он у полковника.

– У меня приказ, товарищ генерал, – сухо ответил Машков.

Генерал-майор, уже не сдерживаясь, закричал:

– Здесь все в порядке. При чем тут автокатастрофа? Чего ты ваньку валяешь?

– Я обязан проверить, – твердо отозвался Машков.

Двадцатый, двадцать второй, двадцать пятый... Нужно будет написать рапорт, чтобы этого типа отсюда убрали, раздраженно подумал Михаил Кириллович. Неврастеники здесь не нужны. Он уже представлял себе, что именно он напишет в рапорте, когда Рафаэль Шарифов открыл двадцать шестой контейнер. Заглянул в него и замер. За ним заглянул Машков и обернулся на стоявших рядом людей.

– Что? Что там? – закричал директор Центра.

– Он... пустой, – убитым голосом сообщил Шарифов.

Михаил Кириллович бросился к контейнеру, заглянул в него и замер. Потом растерянно посмотрел по сторонам, словно все еще не веря в случившееся. И, как при замедленной киносъемке, схватившись за сердце, начал медленно оседать на пол.

– Быстрее, – закричал Сырцов, – ему плохо. Его нужно вытащить отсюда.

Он наклонился и схватил грузного гостя под мышки. Шарифов помог ему вынести генерала из хранилища. Игорь Гаврилович, лица которого не было видно, подошел к контейнеру. Контейнер был зияюще пуст. Академик хотел выругаться, но вспомнил про микрофон. И только заскрежетал зубами, чувствуя, что начинает задыхаться в скафандре. И, сорвавшись, все-таки выдал какое-то ругательство. А наверху уже выла сирена.

Москва. 5 августа

В день своего рождения можно ожидать любой неожиданности, но когда на столе лежит подобная телеграмма, приходится забывать и о собственном празднике, и о жене, которая попросила сегодня приехать пораньше. Генерал Николай Александрович Земсков работал в органах контрразведки уже много лет, но за всю свою жизнь он никогда не сталкивался ни с чем подобным. Ему шел пятьдесят второй год, но, несмотря на возраст, выглядел он молодо, а густые волосы почти не были тронуты сединой. Глядя на лежавшую перед ним телеграмму, он чисто машинально потирал большим пальцем тяжелый подбородок, словно пытаясь решить непривычную для себя задачу.

Не сталкивался с этим и генерал Ерошенко из военной контрразведки, который приехал к Земскову в ФСБ еще рано утром и вот уже второй час сидел в его кабинете. Его лысый череп поражал какой-то основательностью. Ерошенко все время вынимал платок, чтобы вытереть обильно потевшую лысину. Он нервничал явно больше других.

Только полчаса назад явился бывший полковник ФСБ Степанов, отправленный на пенсию несколько месяцев назад. Он как-то резко постарел за эти месяцы, обмяк, расплылся, фигура потеряла былую стройность, и даже в кабинет бывшего руководителя он вошел боком, словно опасаясь, что его могут отсюда выставить как случайного человека. Степанов добирался на метро, своего автомобиля у него никогда не было, но раньше за ним была закреплена машина отдела, привозившая его на работу.

Четвертым в этом кабинете был подполковник Левитин, самый молодой из присутствующих. Ему было тридцать шесть лет, и он, пожалуй, единственный из собравшихся мог не очень беспокоиться за свою дальнейшую судьбу. Телеграмма, лежавшая на столе, как минимум означала снятие с работы обоих сидевших в кабинете генералов, если не будут приняты чрезвычайные меры. И оба генерала это отлично сознавали, собираясь переложить ответственность и на своих подчиненных.

И наконец, последним офицером, находившимся на этом срочно созванном совещании, был представитель военной контрразведки, прибывший с Ерошенко полковник Ильин, мрачный, неразговорчивый сорокадвухлетний офицер с желтоватым осунувшимся лицом, как будто его мучила язва или он переболел желтухой.

– Телеграмма получена сегодня утром, – жестким голосом произнес генерал Земсков. – Полковник Машков подтвердил предположение военной прокуратуры о возможном убийстве двух молодых ученых из нашего Центра в Чогунаше. Вчера в хранилище была проведена проверка ядерных зарядов. Она показала, что два контейнера пустые.

Степанов дернулся то ли от страха, то ли от возмущения. Земсков посмотрел на своего коллегу-генерала из военной контрразведки. Тот угрюмо сказал:

– Когда мне сообщили об этом, я даже не поверил. За столько лет не случилось ничего подобного. И вот теперь такая катавасия.

– Два пустых контейнера, – безжалостно подтвердил Земсков. – Наш директор собирается сегодня вечером доложить обо всем Президенту. Уже до пяти часов вечера у нас должны быть конкретные рекомендации по этому делу.

– Они вместе поедут. С министром обороны, – сообщил Ерошенко, – наш министр уже информирован. Он тоже не поверил, когда ему сообщили. Он даже не знал в деталях о существовании подобных центров.

– Как это не знал? – спросил Земсков. – Он ведь раньше был командующим ракетными войсками. – В том-то все и дело. Режим секретности у нас сами знаете какой был. Даже командующие всех родов войск не имели права знать о существовании ЯЗОРДов. Только министр

обороны страны и один из его заместителей, курирующий эти вопросы. И больше никто, если не считать нашей службы.

– Нужно будет составить список всех, кто знал или мог знать о существовании Центра, – напомнил Земсков. – Свой мы уже готовим. Для начала необходимо создать программу стабилизации. Предотвратить всякие слухи, всякие возможные спекуляции. Ввести в Центре особый карантин, до выяснения всех деталей происшедшего. Может, там вообще никаких зарядов никогда не было... – Он посмотрел на Степанова.

Тот опять смутился, покраснел и нервно сказал:

– Были, товарищ генерал, я сам проверял несколько месяцев назад.

– Значит, были и сплыли, – разозлился Земсков. – Куда они могли, по-вашему, деться? Растаять? Испариться? Насколько я понимаю, один человек не мог так просто унести их в кармане.

– Не мог, – убитым голосом подтвердил Степанов. – Нужно как минимум два человека...

– У нас уже есть два человека, – оборвал его Земсков, – и оба в виде трупов.

Ему было неприятно, как ведет себя Степанов в присутствии военных. Мог бы держаться с большим мужеством, неприязненно подумал Земсков, глядя на дергающегося пенсионера. Если бы сам директор ФСБ не посоветовал вызвать этого размазню, сам бы он никогда не стал этого делать. Степанов только портил общий настрой своей неуверенностью.

– Оба ученых работали в лаборатории, занимающейся проблемами ЯЗОРДа. И оба неожиданно погибли в автомобильной катастрофе. Обычно такими происшествиями ведает спецпрокуратура, но там первичное расследование провели наши люди. Мы бы ничего не узнали, если бы не настойчивость прокурора Миткина, потребовавшего повторной экспертизы. Он был уверен, что машина, сорвавшаяся в овраг при такой малой скорости и столь резком торможении, должна была получить внешний удар. В результате экспертиза показала, что передняя шина автомобиля пробита пулей. Ее мы постарались идентифицировать, но винтовку пока не нашли. Судя по всему, двое погибших вошли в сговор с преступником и смогли каким-то невероятным путем вынести ЯЗОРДы с территории Центра.

Все подавленно молчали. Земсков только полгода назад был назначен заместителем директора и поэтому нервничал больше других. Он понимал, что при разборках прощения не будет никому. Отвечать придется всем вместе. Понимал это и его гость. Если сотрудники ФСБ отвечали за секретность и охрану, то после развала КГБ в девяносто первом году сам Центр находился в ведении Министерства обороны.

– Михаил Кириллович с инфарктом лежит в больнице, – непонятно почему сообщил Ерошенко. – Наша группа уже работает в Центре.

– Вечером мы с вами вылетаем, – напомнил Земсков, – но пока должны выработать общие рекомендации. Подполковник Левитин будет вести расследование пропажи ЯЗОРДов вместе с полковником Машковым, который уже находится в Центре. Прежде чем мы приступим к оперативному совещанию, я хотел бы отпустить полковника Степанова. У вас нет к нему вопросов?

– Есть, – повернулся всем телом к бывшему сотруднику ФСБ генерал Ерошенко. – Как вы считаете, каким образом можно было вывезти ЯЗОРДы с территории Центра?

– Не знаю, – растерянно признался Степанов, – там многоступенчатая охрана, несколько линий, все многократно проверяется и контролируется. Нет, не могу себе представить, что ЯЗОРДы похитили. Просто не могу.

– Но как-то их все-таки украли, – настаивал Ерошенко. – Может, их тайно вывезли?

– Нет, – Степанов даже попытался слабо улыбнуться, – не могли. При выезде с территории Центра любой груз проверяется на радиоактивность. А ЯЗОРДЫ фонили бы так, что их обнаружили бы при первой же проверке. А там три линии. Нет, – снова решительно сказал он, – их не могли вывезти из Центра.

– Может, по воздуху? Вертолеты там садятся?

– В самом Центре это категорически запрещено. Даже когда один раз прилетал секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро, все равно не сделали исключения. Вертолеты садятся на специальной площадке, и все гости при входе и выходе обыскиваются. Никаких исключений, даже для самого директора Центра, – твердо сказал Степанов. Здесь он был в своей стихии, Центром он занимался много лет.

– Тогда где же ЯЗОРДы? Куда они исчезли? – потеряв всякое терпение, спросил уже Земсков.

– Они не могли исчезнуть, товарищ генерал, – сильно покраснев, сказал Степанов. – Полагаю, что их сумели перепрятать в другое место, но вывезти с территории Центра не могли. Это исключено. Я сам занимался вопросами обеспечения секретности на данном предприятии и режимом охраны.

Земсков посмотрел на Ерошенко. Тот кивнул.

– Все понятно, – сказал хозяин кабинета, – у меня последний вопрос. Что вы думаете о руководстве Центра? Директор, его заместитель, начальник охраны...

– Директор – блестящий ученый, – сразу отозвался Степанов, – академик, Герой Социалистического Труда, лауреат...

– Это мы все знаем, – поморщился Земсков. – Как, по-вашему, он мог тайно вывезти ЯЗОРДы с территории Центра?

– Но это невозможно даже для него.

– Хорошо. Я поставлю вопрос по-другому. Он мог войти в сговор с другими людьми?

– Зачем ему это нужно? Он ведь такая голова...

– Мог или не мог?

– Не мог! – чуть не выкрикнул Степанов. – Не мог.

– У нас в списке еще три человека, имевшие доступ к информации по охране объекта. Заместитель директора Центра Кудрявцев.

– Валерий Вячеславович? – переспросил Степанов. – Нет, конечно. Он...

– Отвечайте только на вопросы, – разозлился Земсков. «И с такими офицерами приходится работать», – с сожалением подумал он.

– Кудрявцев работал в Англии, в США, – с гордостью сообщил Степанов, – ему предлагали там работу. Большие деньги. Но он вернулся в Россию и поехал работать в Центр.

– Полковник Сырцов? Что вы о нем думаете?

– Специалист высшего класса. Очень грамотный и толковый офицер. У меня к нему не было никаких претензий.

– Он арестован, – сухо сообщил Земсков, – и его заместитель тоже. Вплоть до выяснения всех подробностей дела. Кто еще, кроме этих четверых, мог знать во всех подробностях о существовании лаборатории, о режиме охраны, вообще о ЯЗОРДах?

– Больше никто. Хотя, пожалуй, еще начальник самой лаборатории, где проводились испытания. Рафаэль Шарифов. Его всегда очень хвалил академик. Он говорил, что...

– Спасибо, – невежливо перебил его Земсков, – вы можете идти, Степанов. И, пожалуйста, никому ни слова. Режим секретности распространяется и на вас. Никаких телефонных звонков, никаких намеков, даже косвенных. Я думаю, вы меня понимаете?

– Конечно, – кивнул Степанов, поднимаясь. – Разрешите идти?

– Идите. – Земсков подождал, пока он вышел, обвел всех взглядом и, глядя на Ерошенко, неприятно усмехнулся. – Когда нет туалетной бумаги, приходится пользоваться наждачной, – грубо сказал он, кивнув вслед ушедшему.

– Везде одинаковый бардак, – отмахнулся Ерошенко. – Сейчас личные дела стали проверять. Выяснилось, что в половине из них уже несколько лет ничего не обновлялось.

– Левитин, – посмотрел наконец на своего офицера Земсков, – мы вас слушаем. Кратко и сжато.

Молодой человек встал. Он был одним из любимцев генерала и умел точно, лаконично и доходчиво излагать свои мысли.

– Потеря двух контейнеров с ЯЗОРДами установлена только вчера нашей службой, – начал Левитин. – Следовательно, мы можем сделать вывод, что сами заряды исчезли после последней проверки, проведенной четыре с половиной месяца назад.

«Ах, какой он молодец, – подумал Земсков, – очень важно подчеркнуть, что именно наша проверка обнаружила недостачу. А их люди в Центре прошляпили контейнеры. Можно будет подчеркнуть именно это обстоятельство».

– Проведенная первичная проверка показала, что возможности беспрепятственного вывоза ЯЗОРДов с территории Центра практически не существует. Следовательно, мы можем предположить, что заряды все еще на территории базы. В самом Центре много мест, где радио-активный фон гораздо выше обычного. В связи с пропажей контейнеров мы предлагаем организовать совместную группу из сотрудников ФСБ и Министерства обороны для всесторонней проверки факта пропажи контейнеров непосредственно на месте.

Левитин обвел присутствующих взглядом и продолжал:

– При этом в самом Центре вводится режим карантина, все сотрудники переводятся на чрезвычайное положение. Телефонная связь, телексы, факсы отключены. Центр полностью отрезается от внешнего мира до выяснения всех обстоятельств дела. В оперативную группу войдут, кроме наших сотрудников, два человека из Академии наук, занимающихся схожими проблемами. Один из них академик Финкель, которого вы все знаете. Другой – академик Архипов, разработавший принципиальную теорию создания ЯЗОРДов, так сказать, отец существующих «чемоданчиков».

Он закончил свое сообщение и взглянул на генерала. В его взгляде промелькнуло нечто собачье: так верный пес ждет похвалы от хозяина. Земскову нравились такие взгляды сотрудников.

– Спасибо, – кивнул он подполковнику, – можете садиться. Я думаю, что включение в состав нашей комиссии таких выдающихся ученых, как Финкель и Архипов, только поможет нашей работе.

Финкель был трижды Героем Социалистического Труда, крупнейшим специалистом-ядерщиком, считался одним из столпов отечественной науки. Архипов же не просто блестящий академик, а еще и член Президентского Совета, человек, близкий к руководству страны. Включение таких людей, кроме конкретной пользы, послужит и неплохим громоотводом для всех членов комиссии в случае неудачного расследования. Судя по всему, это понял и Ерошенко.

Люди всегда руководствуются сиюминутными, мелкими и корыстными интересами, даже если прикрываются словами о более важных, даже вечных проблемах. Просто одни показывают это более зримо и выпукло, а другие искусно маскируются громкой фразеологией.

– Все верно, – с удовлетворением согласился генерал Ерошенко. – Меня беспокоят, впрочем, слова вашего бывшего полковника. Если действительно ни при каких обстоятельствах нельзя вывезти ЯЗОРДы, то для чего тогда их похищать? Или похитители уже успели это сделать?

– Не думаю, – живо ответил Земсков. – Если даже предположить невозможное и согласиться на такой вариант, то и тогда у преступников не много шансов переправить подобный груз в европейскую часть страны. Мы уже обговаривали со специалистами эту проблему. Они считают, что решиться на такое могут только абсолютно ненормальные люди. Мало того, что им грозит облучение, они просто не смогут беспрепятственно пронести такой груз в самолет или в поезд, пройти пограничный контроль.

– Тогда зачем его похищать? – нахмурился Ерошенко.

– Это нам и нужно выяснить. У ЯЗОРДов имеется система защиты, предназначенная для специальных групп особого назначения, – хмуро признался Земсков, – но, судя по нашей информации, ни один такой «чемоданчик», а внешняя форма ЯЗОРДа действительно похожа на большой чемоданчик, максимально защищающий людей от воздействия радиации, до сих пор не похищен. Они хранятся совсем в другом месте, и вчера ночью там проведена полная ревизия. Все на месте.

– Разрешите? – спросил молчавший до этого полковник Ильин, обращаясь к Ерошенко. Тот кивнул головой.

– Товарищ генерал, – обратился военный контрразведчик к хозяину кабинета, – отрабатывался ли вопрос взаимодействия научного Центра в Чогунаше с группами особого назначения? Может быть, до этого уже проводились эксперименты по доставке грузов на место?

Земсков удивленно взглянул на полковника. Потом не очень уверенно спросил:

– Вы хотите спросить, как вывозились контейнеры из хранилища?

– Да. Ведь группы КГБ отрабатывали свои задания непосредственно на месте, – настаивал Ильин.

– Может быть. – Заместителю директора ФСБ было стыдно признаваться, что он не подумал о такой проблеме. – Возможно, и отрабатывали. Это мы сейчас проверим, – быстро добавил он, делая пометку в блокноте. Полковник прав. Если заряды действительно раньше вывозились из Центра, кто давал разрешение на это?

Ядерные заряды ограниченного радиуса действия, как их стыдливо называли, на самом деле были небольшими ядерными бомбами, непосредственно на место они доставлялись специальными группами особого назначения и могли эффективно сработать в недостижимых для обычной ракеты местах. В хранилищах, в научных центрах, в правительственных учреждениях. Даже сама угроза применения подобного оружия была бы психологически гораздо более сильным средством, чем ракетное нападение с воздуха. За ракетой можно проследить. Можно засечь движение и попытаться ее сбить. Можно нанести удар по подводной атомной лодке или по месту нахождения ракеты на стационаре в тот момент, когда она еще не поднялась в воздух. Но невозможно остановить несколько человек с ядерным «чемоданчиком», готовых применить подобное оружие в случае необходимости где угодно. Однако производство таких бомб требовало чрезвычайно высокой технологии переработки и было возможно только в двух странах, имеющих несколько тысяч ядерных боеголовок. В бывшем Советском Союзе и в Соединенных Штатах. Остальные три ядерные державы – Франция, Великобритания и Китай – просто не шли в расчет в силу чрезвычайно малых запасов собственного ядерного оружия.

После распада Советского Союза одна сверхдержава исчезла, но оружие, полученное Россией как бы в наследство от прежнего могущества, все еще сохранялось.

В кабинете резко прозвучал телефонный звонок, и Земсков схватил трубку. Уже по тому, как он моментально среагировал на звонок, было ясно, что позвонил сам директор ФСБ.

– Как ваше совещание? – очень недовольным голосом спросил директор.

– У меня представители Министерства обороны, – доложил Земсков. – Сейчас отрабатываем варианты. Готовы вылететь сегодня в Чогунаш.

– Сначала я должен доложить обо всем Президенту, – ледяным голосом напомнил директор. – Что говорит Степанов? Вы его вызывали?

– Так точно. Он уверяет, что это невозможно. Мы его мучили довольно долго, но он твердо стоит на своем, уверяя, что вывезти что-либо из Центра абсолютно немыслимо.

– Но ведь два контейнера оказались пустыми. Значит, сумели. И, судя по всему, это сделал кто-то из лиц, имеющих доступ ко всей информации. Как только я поговорю с Президентом, готовьтесь вылететь. С учеными мы уже договорились. Специальный самолет будет ждать вас во Внукове.

– Слушаюсь. – Земсков был обязан своим повышением директору ФСБ и всегда помнил об этом.

– Когда будут готовы ваши рекомендации?

– Через полчаса.

Директор отключился, не попрощавшись. Очевидно, он тоже ждал неприятностей. Земсков осторожно положил трубку и сказал:

– Давайте подведем итоги. У нас мало времени.

Москва. 5 августа

Совещание у Президента началось ровно в пять часов вечера. К этому времени в кабинете находились премьер-министр, министр обороны, министр внутренних дел, помощник Президента по международным вопросам, помощник Президента по вопросам обороны. Перед самым появлением Президента последними появились начальник Службы внешней разведки и сам директор ФСБ, на которого все заранее смотрели с сочувствием, понимая, что отвечать придется именно ему. Очень узкий состав приглашенных означал и то, что про само существование ЯЗОРДов нельзя было говорить даже в присутствии большинства руководителей государственных учреждений. Премьер-министру не разрешили взять с собой даже заместителя, курирующего вопросы промышленности.

Ровно в пять часов в большой кабинет вошел Президент. Все привычно поднялись, и он прошел на свое место. Сел за стол, мрачно оглядел собравшихся. С правой стороны сидели премьер, министр обороны, директор ФСБ. С левой – министр внутренних дел, который являлся одновременно и заместителем премьер-министра, начальник СВР и два помощника Президента. В конце кабинета – две стенографистки. Больше никого.

– Что у вас случилось? – грозным голосом спросил Президент, посмотрев на директора ФСБ. – Опять чего-то недосмотрели?

– В научном Центре, в Чогунаше, нашими сотрудниками при внеплановой проверке обнаружено, что два контейнера с ядерными зарядами оказались пустыми. Сейчас проводится расследование, – коротко доложил директор ФСБ. Он намеренно избегал слов о похищении.

– Как это пустые? – мрачно поинтересовался Президент. – Они растаяли, что ли?

– Нет. – Директор ФСБ чувствовал нарастающее недовольство Президента и старался отвечать как можно короче, чтобы не вызвать дополнительного раздражения. – Они не могли растаять. Скорее всего речь идет об их несанкционированном перемещении из хранилища.

– Где заряды? – Президенту не нравилось, когда начинали увиливать, не отвечая по существу.

– Их пока не удалось обнаружить, – честно ответил директор ФСБ, глядя в лицо Президенту.

– Когда обнаружите?

– Наша группа работает уже непосредственно на месте. Сегодня вечером в Чогунаш вылетает специальная комиссия, в которую вошли академики Финкель и Архипов. Они определяют на месте, какие необходимо предпринять меры.

– Финкель и Архипов, – повторил Президент, – это правильно. Очень известные ученые. Мне тут недавно говорили, что Финкеля хотят на Нобелевскую премию выдвинуть. Это очень хорошо.

Доклад о возможном выдвижении академика Финкеля на Нобелевскую премию в области физики был подготовлен Службой внешней разведки для информации Президенту, и директор ФСБ знал об этой записке. Именно поэтому он рассчитывал, что фамилия академика произведет благоприятное впечатление.

– Как можно использовать эти заряды? – вдруг спросил Президент. – Они очень опасны?

Директор ФСБ посмотрел на министра обороны. Увидел его сочувственный взгляд и честно ответил:

– Они очень опасны.

– Почему?

– Это мини-бомбы. Настоящие бомбы с ядерным зарядом. Их можно использовать где угодно, в том числе и для террористических целей. – Он обязан был сказать эти слова, чтобы Президент почувствовал степень опасности.

– Террористы, – задумчиво сказал Президент. Потом, не разрешая директору ФСБ сесть на место, посмотрел на премьера. – Значит, у нас украли две бомбы, а мы только сейчас узнаем об этом.

– Мне сообщили сегодня утром, – отвел все обвинения премьер, – и я узнал об этом после вас.

– Кому подчиняется этот Центр? – поинтересовался Президент.

– Раньше подчинялся КГБ СССР и Министерству среднего машиностроения. Сейчас находится в ведомстве Министерства обороны, – доложил директор, чувствуя на себе очень недовольные глаза министра обороны.

– Садитесь, – махнул Президент. – Значит, опять в армии бардак? – спросил он, обращаясь к министру обороны. – Опять недосмотрели?

– Мы осуществляем только общее руководство, – пояснил министр обороны. – Формально Центр передан нам, но за охрану и безопасность отвечает ФСБ.

– Вы друг на друга вину не перекладывайте, – окончательно разозлился Президент, – позор на весь мир, понимаешь... Ядерные бомбы из-под носа воруют, а мы ничего сделать не можем. Американцы сколько писали про это, а мы все время утверждали, что такое невозможно. И вот получили.

– Накаркали журналисты, – услышал директор ФСБ приглушенный голос сидевшего рядом начальника СВР и согласно кивнул головой.

– У нас нет уверенности, что бомбы похищены, – решил все-таки вмешаться директор ФСБ. – Пока речь может идти только о несанкционированном перемещении их с места на место. Система охраны в Центре такова, что практически исключает любую возможность неконтролируемого вывоза оружия за его пределы.

Он не стал говорить Президенту про двух погибших ученых, подозрения прокуратуры, найденные подтверждения их умышленной смерти, арест начальника службы охраны полковника Сырцова. Все это были уже частности: главное – что исчезли ЯЗОРДы, которые, по всей логике, никак не могли исчезнуть.

– Нужно дать указание пограничникам, чтобы усилили наблюдение за государственной границей, – предложил директор ФСБ, – на тот случай, если заряды все-таки покинули территорию Центра.

– Покинули или нет? – повысил голос Президент.

– Пока у нас не будет полной гарантии, мы должны предусмотреть все меры, – твердо сказал директор.

– Почему не вызвали руководителя пограничной службы? – спросил Президент, обращаясь к своему помощнику по вопросам обороны.

– Он не входит в список лиц, имеющих доступ к этой информации, – пояснил тот, – мы согласовывали список с ФСБ.

– А министр иностранных дел? – вспомнил Президент. – Он тоже не входит?

– Он еще не вернулся из Страсбурга, – напомнил премьер.

– Такой шум в газетах поднимется, – поморщился Президент.

– О случившемся в Центре не знает никто, – твердо возразил директор ФСБ. – Мы принимаем особые меры к абсолютному пресечению всех возможных слухов. Центр полностью блокирован и объявлен на особом карантине. Все связи с внешним миром идут только через нашу службу.

– Это правильно, – согласился Президент, – а то опять журналисты будут всякие гадости писать. И получится такой скандал на весь мир...

– Это их главная задача, – поддакнул ему премьер. – Обеспечить полную секретность.

– Сколько вам нужно времени, чтобы разобраться в случившемся? – спросил Президент.

– Две недели, – чуть подумав, ответил директор ФСБ.

– Вы с ума сошли, – вмешался вдруг премьер, лучше многих представлявший себе опасность ситуации. – Две недели бомба будет неизвестно где, может, в руках у террористов. Это очень много.

– Неделя, – кивнул Президент, – и через неделю вы мне доложите, что там все в порядке. Если они не могли пропасть, значит, их нужно найти. А если пропали, – он нахмурился, – тогда найдите преступников, которые их похитили. – Он помолчал и вдруг спросил: – В Москве их могут применить?

Оказывается, он видел проблему не хуже остальных. Просто привычно умел держать себя в руках. В кабинете наступила тишина, все боялись даже пошевелиться в своих креслах. Директор ФСБ тяжело вздохнул. Нужно было говорить правду.

– Если их сумели вынести из Центра, если сумели привезти в Москву, то они могут быть применены где угодно, – честно ответил он.

– Значит, их могли переправить и в Москву, – подвел неутешительный итог Президент.

Он сказал это тише обычного, словно приглашая других осознать размеры катастрофы, грозившей всем в случае применения подобного оружия в Москве.

– Что будем делать, если заряды все-таки вывезли из Центра? – спросил Президент.

– Мы пока не рассматриваем эту возможность. Наши эксперты считают, что заряды все еще на месте.

– А если их уже там нет?

– Нужно вводить чрезвычайное положение не только в Москве. – Директор говорил словно смертник перед казнью. – Нужно вводить такое положение на всей территории страны. Придется на официальном уровне признать существование у нашей страны подобного оружия.

– Это невозможно, – возразил помощник Президента по международным вопросам.

– Найдите министра иностранных дел, пусть срочно возвращается, – приказал Президент, обращаясь к премьеру. – Неделя это много, – добавил он в заключение, – три дня. Через три дня вы должны доложить мне, что там случилось. Или найти исчезнувшее оружие. Вы меня поняли?

– Да. – Директор понял, что это намек на его отставку в случае любого отрицательного исхода.

– И пока о случившемся должны знать только мы, – строго объявил Президент, оглядывая присутствующих. «Только этого нам не хватало, – подумал он, – только этого не хватало».

Санкт-Петербург. 5 августа

Он докурил сигарету до конца, как обычно докуривают бывшие заключенные, стараясь выжать из нее максимум возможного, бросил окурки и тщательно втер его в мокрый асфальт. Было довольно прохладно, но он неподвижно стоял в своей темной рубашке, не обращая внимания на моросивший дождь. Когда подъехал автомобиль, он сразу сел на заднее сиденье.

– Здорово, Сухой, – кивнул сидевший сзади Сириец. Водитель молча развернул машину. Рядом с ним сидел еще и телохранитель, даже не повернувший головы. «БМВ» последнего выпуска. Пока Сухарев не может себе позволить такой машины, какая есть у Сирийца. Тот известный в Северной Пальмире вор в законе, человек, которого уважают даже в Смольном.

Сириец сумел сделать себе имя в те годы, когда шпана пыталась делить участки владений и стреляла друг в друга на каждом углу. Ованесов Михаил Аршакович, имевший пять судимостей и еще больше недоказанных дел, названный Сирийцем по месту своего рождения, был опытным и умелым человеком. Его родители приехали из Сирии, вот почему у него такая странная кличка и немного африканская внешность – курчавая голова и полные, чуть припухшие губы.

Он правильно рассудил, что на заре кооперативного движения не стоит ввязываться в мелкие стычки. Его больше интересовали акционерные общества, лесоматериалы, бумажная промышленность. Казалось, он вкладывает деньги в самые нерентабельные дела. Все открывали кооперативы, рестораны, бары, держали девочек и занимались рэкетом, а он объезжал районы, уговаривал директоров создавать совместное производство, подписывал тысячу бумаг и готовил другую тысячу. Директора оказывались на удивление понятливыми и сговорчивыми. Правда, один из них внезапно заартачился, но, когда у него неожиданно сгорела дача, он согласился на все условия и подписал все нужные документы. В городе шепотом рассказывали, что Сириец построил потом директору новую дачу, еще лучше прежней.

Едва началась обвальная инфляция, Сириец начал скупать по дешевке коммунальные квартиры в центре города, выселяя жильцов из разваливающихся домов. Этот бизнес оказался самым удачным. Квартиры ремонтировались, отстраивались, модернизировались. К середине девяностых в Санкт-Петербурге, как и по всей России, появились не просто богатые, а очень богатые люди, они с удовольствием покупали за баснословные деньги престижные квартиры в лучших местах Санкт-Петербурга, нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что нигде в мире не было подобных цен.

Сириец сделался не просто миллионером. Он стал по-своему символом перемен. Удачливым, изворотливым, умным дельцом, сумевшим поставить свои дела должным образом. Появляющиеся конкуренты довольно быстро сворачивали свои дела. Кроме всех других заслуг, у Ованесова были прекрасные отношения с правоохранительными органами, и он всегда имел гораздо больше информации, чем все его конкуренты, вместе взятые. Это очень помогало выжить в той невероятно сложной ситуации, складывающейся по всей стране к концу века.

Сухарев, или Сухой, знал сидевшего в машине давно. Они вместе отбывали срок в колонии в последнюю «ходку» Сирийца. Тот вышел в восемьдесят шестом и с тех пор уже не попал за решетку. Теперь ему было около пятидесяти, он сильно располнел, черты лица расплылись. В его поведении появились уверенность и вальяжность очень богатого человека.

– У меня к тебе дело, Сухой, – негромко сказал Сириец.

– Ты же знаешь, я для тебя готов кому угодно глотку перегрызть, – проникновенно сказал Сухарев. – Если бы не ты, я бы сейчас на нарах чалился. Что нужно сделать?

– Сначала поедим в ресторан. Немного посидим, поговорим, – улыбнулся Сириец. – В «Изумрудный храм», – приказал он водителю.

Этот ресторан находился за городом. Его негласным владельцем и хозяином уже давно стал сам Сириец. Разорившийся хозяин согласился передать ему свое детище, перед тем как уехал из города. Сириец не любил заниматься ресторанным бизнесом, считая это ниже своего достоинства. Рестораном владела его родная сестра, вызванная из Минска.

Сухарев понял, что разговор предстоит важный. Во-первых, Сириец не стал говорить в присутствии посторонних, даже своего водителя и телохранителя. Во-вторых, в «Храм» он ездил только по очень важным делам, зная, что там его подслушать не могут. Всю дорогу он молчал, глядя в окно. И только когда машина уже подъезжала к ресторану, лениво спросил:

– Один живешь или с Надей?

– С Надей, – улыбнулся Сухарев. – Хотим вот ребеночка завести. Пора уже мне. Сорок лет, почитай, скоро исполнится. Нужно остепениться.

– Правильно, – кивнул Сириец, – семья – дело хорошее. У тебя какой сейчас доход в месяц?

– Да тысячи две-три заколачиваю, – осторожно признался Сухарев.

Он работал в акционерном обществе, которое тоже принадлежало Сирийцу. Они занимались поставкой финской бумаги на рынки России. Сухарев работал начальником службы безопасности и фактически просто выколачивал деньги из должников, получая неплохой процент.

– А мне говорили, что ты семь-восемь получаешь, – добродушно заметил Сириец.

– Да откуда такие бабки? – возмутился Сухарев. – Ну, может, пять-шесть, но не больше.

– Ладно, ладно. Я тебе не налоговая полиция. Ты мне не трепись, – махнул рукой Сириец.

Приехав в ресторан, они сразу прошли в отдельный, специально приготовленный для них кабинет. И там Сириец строго сказал Сухареву:

– Есть дело, Сухой. Надежное дело. И человек мне нужен очень надежный. Такой, как ты.

– Конечно, – согласился Сухарев.

– Груз будет у нас небольшой, – продолжал Сириец. – Его нужно переправить туда, к нашим, в Финляндию. А потом погрузить на пароход. Ну, в общем, все как обычно.

– Сделаем, – улыбнулся Сухарев. – У меня на границе все куплено. И пограничники, и таможенники. Когда одну неделю не появляюсь, они уже скучают. Привыкли к моим «подарочкам».

– Груз очень важный, – строго сказал Сириец, – головой за него отвечаешь. Если что-нибудь случится, я с тебя лично спрошу.

– Как полагается, – согласился Сухарев, – порядки знаем.

– И про груз никому ни слова, – жестко сказал Сириец, – даже своей Наде. Никому, ты понял?

– Конечно. Когда нужно ехать?

– Я тебе скажу. Может, завтра. А может, послезавтра. Ты точно уверен, что сумеешь пройти границу без осложнений?

– Да, конечно. Меня же там все знают. Сколько контейнеров перевез в разные стороны. Там одна женщина есть, начальник смены в таможне, она вообще в меня влюблена. Бросай, говорит, свою Надю и переходи жить ко мне.

– Вот в ее смену и переедешь. Все документы оформим как полагается. И запомни, Сухой, – пока груз на пароход не будет погружен, за него ты отвечаешь. Только ты.

– Я один поеду?

– Нет, поедут наши ребята. Федор встретит тебя в Хельсинки. А с тобой еще один типчик поедет. Но это так, для страховки.

– Какой типчик?

– Иностранец. Владелец груза.

– Все ясно. Доставлю в лучшем виде, – кивнул Сухарев. Он уже предвкушал роскошный обед и клюквенную настойку, которую подавали в «Храме». Но был разочарован.

– Ладно, – закончил разговор Сириец, – можешь ехать. Моя машина тебя отвезет. И запомни – никому о нашем разговоре ни слова.

Обратно Сухарев ехал с понятным чувством легкой обиды. Мог бы и пригласить пообедать, разочарованно думал он. Деньги изменили Сирийца. Впрочем, такие деньги испортят кого угодно. Нужно будет заехать по дороге в какой-нибудь ресторан. Он только сейчас почувствовал, что проголодался.

Москва. 5 августа

После совещания у него нашлось еще много всяких дел. Он закончил работу в половине девятого вечера, когда другие сотрудники уже ушли. По натуре Манюков был человек демократичный, он старался не мучить своих людей излишним рвением. Виктор Федорович Манюков не работал раньше не только на какой-нибудь ответственной работе, но и вообще не мог себе представить, что будет сидеть в кабинете бывшего заведующего Международным отделом ЦК КПСС и помогать самому Президенту определять внешнюю политику страны.

Манюков был из того набора демократов, что участвовали в демократическом движении в первой волне конца восьмидесятых. Он работал тогда заведующим кафедрой истории в Тульском университете и даже не предполагал, куда вознесет его эта волна. Сначала с триумфом победил на выборах в народные депутаты СССР, когда противостоявший ему секретарь райкома был неожиданно и серьезно скомпрометирован появившимися в центральной печати статьями о его махинациях. Скандал замять не удалось, дело расследовала специальная комиссия. Правда, она ничего не нашла, а секретарь райкома, получив сердечный приступ, отправился в больницу, но тем не менее на волне тех разоблачений, которые сотрясали страну в конце восьмидесятых, успех Манюкова был весьма симптоматичен.

Конечно, он сразу примкнул к межрегиональной группе депутатов, выдвинувших своим лидером будущего Президента. Манюков уже тогда выделялся основательностью и здравостью суждений. Он не старался раньше других высказать свои мысли, не навязывал свое мнение другим. Скорее наоборот, умение выслушивать людей, умение слушать было привито ему еще в годы работы на кафедре, когда приходилось принимать бредовые ответы студентов.

После развала страны Манюкову предложили высокий пост заместителя помощника Президента по международным вопросам. И он сразу же согласился. К тому времени работавшая в Москве дочь уже успела выйти замуж. Вместе с женой и сыном бывший завкафедрой перебрался в столицу и получил небывалый для себя подарок в три комнаты в престижном, бывшем цеховском, доме. Казалось, сама судьба благосклонна к Виктору Федоровичу.

Буквально через полтора года помощник Президента провинился, уличенный в отношениях с опальными чиновниками, которых Хозяин удалил от двора. Его с треском сняли, а на его место был рекомендован Манюков, исполнительный, дисциплинированный, выдержанный человек. Президент был вполне доволен его работой.

Сегодняшнее совещание повергло Манюкова в шок. Он никогда раньше и не представлял себе, что подобное оружие возможно. С ненавистью подумал он о прежней системе: значит, они готовы были пойти даже на такие меры для победы в атомном противостоянии. Манюков никогда не был членом партии, и его с огромным трудом утвердили заведующим кафедрой истории. Считалось, что историки обязательно должны быть коммунистами. Но в восемьдесят седьмом году это оказалось уже не столь обязательно.

Он приехал домой в подавленном настроении, отказался от ужина и заперся в своем кабинете, где улегся на диван и довольно долго пробыл в состоянии оцепенения, пока жена не сообщила ему, что приехали дочь с зятем. Пришлось подниматься с дивана. В отличие от оболтуса сына, которого с трудом удалось освободить от армии, устроив на работу во вневедомственную охрану, дочь радовала отца. Она с отличием закончила институт иностранных языков, работала в Институте США и Канады, где и познакомилась с Сашей. Он к тому времени был одним из ведущих сотрудников института, после возвращения из двухлетней командировки в США, где работал в ООН. Молодые люди сначала встречались, а потом поженились с одобрения родителей. Сашин отец умер, когда сын заканчивал институт. Он был военный, генерал, и Манюков гордился таким родством. Они были женаты уже восемь лет, и у них было двое детей.

Зять всегда помогал ему советами в особо трудных ситуациях. Именно он настоял в восемьдесят девятом, чтобы Манюков согласился на выдвижение в депутаты. Именно он посоветовал тестю идти работать в аппарат Президента. К тому же Саша организовал солидное дело, совместное предприятие, которым занимался его брат и которое приносило солидную прибыль.

Манюков вышел к родным с опухшим лицом. Сына, как всегда, не было дома. Дочь привезла внуков, семилетнего мальчика, похожего на Сашу, и пятилетнюю девочку, почему-то тоже похожую на Сашу. Тем не менее Манюков любил внуков больше всего на свете. Он обрадовался и впервые за вечер улыбнулся.

– Почему так поздно? – спросил он у зятя. – Уже десять часов вечера.

– Света только недавно приехала, – пояснил зять, – мы с семи ее ждали. У нее какие-то дела с мамой, вот она и решила приехать. Вы не беспокойтесь, Виктор Федорович, мы скоро уедем.

– Вот еще глупости, – вздохнул Манюков, – я не из-за этого беспокоюсь. А из-за вас, из-за детей. Им же спать нужно, мальчику в школу рано вставать.

– Сейчас же каникулы, – засмеялся зять, – какая школа. Вы, видимо, совсем заработались у себя на Старой площади.

– Да, – сконфуженно признался Манюков, – действительно каникулы. Я совсем забыл.

– Мы поэтому и приехали, – пояснил зять, заговорщицки подмигивая. – Хотим малыша с собой взять на Бермуды. Будем там отдыхать в этом году. А девочку у вас оставим, она маленькая еще.

– Конечно, конечно, оставьте, – заволновался Манюков. – Какой может быть разговор?

– Идите к столу, – пригласила жена, – я уже чай приготовила. Почитай, весь вечер вас ждали.

– Ничего страшного, – улыбнулся зять, – чай не убежит. А вы, Виктор Федорович, сегодня какой-то странный, больны, что ли?

– Нет, – мрачно ответил тесть. Воспоминание о совещании снова отозвалось в сердце непривычной болью. – Неприятности на работе.

– Какие неприятности? – удивился зять. – Президент вас уважает, журналисты не трогают, даже оппозиция считает вас порядочным человеком. Вы почитайте, как они других помощников кроют. Разве у вас могут быть неприятности?

– Могут, – махнул рукой Манюков, – я же говорю – по работе. Не личные.

– Случилось что-нибудь? – шепотом спросил зять.

Манюков колебался. Вообще-то он всегда советовался с зятем. Тот был не по годам умен и мог дать толковый совет. С другой стороны, нельзя было рассказывать о том, что случилось на заседании у Президента.

– Пойдемте в кабинет, – вдруг предложил Саша, видя его колебания. – По-моему, вы мне хотите что-то рассказать.

Он оставил сына и прошел вслед за тестем в кабинет. Манюков подумал, что так, наверно, будет лучше. Он испытывал потребность поделиться с кем-нибудь ошеломляющей новостью. А с кем можно сделать это лучше, чем с Сашей.

– У нас неприятности, Саша, – сказал он, когда они остались одни в кабинете.

– Проблемы с Ираком? – Зять знал, что вылетевший в Страсбург министр иностранных дел будет обсуждать и этот вопрос со своими европейскими коллегами. Впрочем, об этом писали во всех газетах.

– Хуже. Появились проблемы с хранением разного рода материалов, – постарался уклончиво объяснить тесть.

– Каких материалов?

– Радиоактивных. – Он все-таки не имел права говорить о том, что это было за оружие.

– Ну и что? У нас Чернобыль был, и никто из-за этого особенно не переживал. – Теперь будут. У нас договор уже подписан с американцами. И его утверждать нужно будет в Думе. Такой скандал поднимется. И потом, ты сам знаешь, как американцы относятся к возможности хищения разного рода радиоактивных материалов. Мы только сейчас убедили сенат и конгресс США в том, что не собираемся поставлять в Иран компоненты для атомной электростанции. Представляешь, какой там будет скандал, если они узнают, что мы скрывали еще кое-что? Я ведь сам ездил в Вашингтон на переговоры, договаривался от имени страны... – Тесть вздохнул. – Вот поэтому говорят, что мораль и политика...

– Подождите, – прервал его зять, – при чем тут оружие? Вы же говорите – радиоактивные материалы? Это, наверно, отходы?

Раз начав, нужно было договаривать. Манюков вздохнул.

– Нет, – сказал он, решившись, – это не совсем материалы. Это почти готовые компоненты для оружия.

– Какие компоненты? – снова не понял зять. – Их же невозможно применить без ракеты-носителя.

– Эти можно... – Он и так уже сказал больше, чем было дозволено. – Эти можно, – повторил он с отчаянием.

– О чем вы говорите? – очень тихо спросил зять. – У нас что, украли ядерную бомбу?

– Почти. И не будем больше об этом. Просто скоро по всему миру будут выставять меня лжецом и мошенником. Президент мог не знать о существовании некоторых видов оружия, но я обязан был думать, прежде чем давать слово. – Он с отчаянием махнул рукой. – В политике нельзя быть искренним человеком, – убежденно сказал он в заключение.

– Вы не переживайте, – нерешительно сказал зять, – может, все еще обойдется.

– Да уж теперь вряд ли. Ничего, – грустно усмехнулся тесть, – пойду преподавать. Думаю, меня еще возьмут преподавателем. Придется в любом случае всю вину брать на себя. Я же не имею права подставлять Президента.

– Да, конечно, – рассеянно подтвердил Саша.

– Только ты никому ничего не рассказывай, – спохватился Виктор Федорович. – Сам знаешь, я тебе как родному, как сыну.

– Да не переживайте вы, – успокоил его зять, – все будет хорошо. Не нужно так волноваться.

Когда семья дочери уехала, Манюков отправился спать. Но спасительный сон не приходил. Он решительно поднялся, прошел на кухню и принял реланиум, надеясь успокоиться и уснуть.

Вернувшись домой, Саша долго не мог найти себе места, пока наконец не подошел к телефону. Подняв трубку, он почему-то воровато оглянулся и уже затем более уверенно набрал номер телефона.

– Алло, – сказал он быстро, словно опасаясь, что на другом конце провода повесят трубку или назовут себя раньше, чем он успеет сказать нужные слова. – Вы будете завтра в клубе? Давайте встретимся. Я хочу предложить одну тему для вашей газеты.

– Завтра, – ответил ему собеседник с легким акцентом, – давайте вместе выпьем кофе. Завтра в двенадцать часов.

Саша положил трубку и снова оглянулся. На пороге стоял его сын.

– Ты почему не спишь? – строго спросил Саша.

– А ты почему не спишь? – спросил, в свою очередь, мальчик.

– Иди спать, – разозлился отец, – поговори еще у меня.

И, не сказав больше ни слова, он повернулся к ребенку спиной, давая понять, что разговор окончен.

Поселок Чогунаш. 6 августа

Такого количества именитых гостей Центр не помнил. Новость о похищенных ЯЗОРДах уже стала темой обсуждения не только всех работающих в Центре, но и тех, кто жил в академическом городке. Новостью было и полное молчание всех телефонов. Теперь для самых срочных звонков приходилось идти к коменданту городка, а там разговаривать в присутствии сразу нескольких сотрудников ФСБ, памятуя о том, что нельзя упоминать о случившейся пропаже.

За эти два дня Игорь Гаврилович Добровольский, директор Центра, постарел на несколько лет. Он по-прежнему не верил в случившееся, все еще не хотел верить, хотя было очевидно, что два контейнера в хранилище пусты. Если учесть, что пленку с входящими и выходящими из хранилища сотрудниками просматривали сотни раз, фиксируя, кто входил и кто выходил, если учесть, что ничего не говорило о возможном похищении двух контейнеров. Если учесть, что были арестованы начальник охраны Центра полковник Сырцов и его заместитель подполковник Волнов, а директор, как порядочный человек, считал, что основная часть вины лежит именно на нем, то можно представить себе его состояние.

Сейчас в его кабинете находилось много людей. Это и прибывший заместитель директора ФСБ генерал Земсков. Это и прилетевший с ним представитель военной контрразведки генерал Ерошенко. Машков, уже два дня непосредственно проводивший расследование. Приехавшие утром Левитин и Ильин уже работали с сотрудниками Центра.

На совещание вызвали даже прокурора Миткина, пожилого высохшего человека, который и раскопал всю эту историю с убийством двух ученых. Ему было не больше пятидесяти пяти, но он выглядел гораздо старше. Добровольский знал, что Миткин давно и серьезно болеет, но по принципиальным соображениям не выходит на пенсию, предпочитая работать, пока позволяет здоровье. Рядом с ним сидел заместитель директора по научной работе Кудрявцев, имевший, как и его руководитель, беспрепятственный доступ в хранилище. Бесстрастная камера даже запечатлела, как он трижды входил за последний месяц в хранилище. И наконец, в кабинете были два человека, которым Добровольский искренне радовался. Это были академики Финкель и Архипов, члены комиссии, прибывшие для расследования ситуации на месте.

Земсков сидел в кресле директора. Формально он считался председателем комиссии, и все было правильно. Правда, он с некоторой завистью смотрел на Ерошенко и на приехавших с ним академиков. Все его попытки подставить кого-нибудь из них в качестве председателя комиссии провалились. Возглавить комиссию должен был представитель ФСБ. Это было указание самого Президента, и Земскову пришлось согласиться, понимая, что отвергнуться невозможно.

А ведь как было бы хорошо, если бы удалось возложить ответственность на военных или на ученых, которые забрали два заряда в лабораторию для проведения испытаний. Такой вывод устроил бы всех, но в таком случае следовало предъявить заряды, а их нигде не было. За прошедшие два дня Машков мобилизовал всех сотрудников и проверил каждую комнату, каждую лабораторию, каждый закоулок. Вывод оказался неутешительным – зарядов нигде не нашли. Просто невероятно, но их нигде не было. И поэтому все сидели угрюмые, мрачные, за исключением ученых: те были поражены не столько исчезновением зарядов, сколько самой возможностью похищения ЯЗОРДов из столь хорошо охраняемого Центра.

– Значит, мы должны исходить из того, что два заряда уже покинули Центр, – подвел итог неутешительному совещанию Земсков, понимая, что озвучивает собственный приговор.

– Да, – безжалостно подтвердил Добровольский, – мы нигде не смогли найти следов исчезнувших зарядов, а это может означать самое худшее...

Он замолчал, растерянно оглядывая собравшихся.

– Но это невероятно, – сказал он в заключение, – даже на записи видно, что за последний месяц никто и ничего оттуда не выносил. Как они могли исчезнуть, я просто не понимаю.

– Запись мы сейчас отправили на экспертизу, – пояснил Машков генералу Земскову. – У меня подозрение, что запись подделана. Пока не знаю, каким образом, но подделана.

– Давайте с самого начала, – мрачно произнес Земсков.

Он знал, что их беседа фиксируется и еще много раз будет проверяться и перепроверяться, перед тем как они примут окончательное решение. Значит, нужно опросить всех, поставившись переложить хотя бы часть ответственности и на них.

– Господин Миткин, – обратился он к прокурору, – если можно, начнем с вас. Расскажите, на чем были основаны ваши подозрения по поводу убийства двух молодых ученых.

– Да, конечно, – поднялся длинный, худощавый Миткин, – только не называйте меня господином. Мне больше нравится старое обращение «товарищ». Но это к слову. Дело в том, что следователь, выезжавший на место происшествия совместно с работниками ФСБ, провел расследование по всей форме. Были опрошены свидетели, составлены протоколы, удалось даже провести патологоанатомическое обследование трупов, у нас ведь очень неплохая медицинская лаборатория. Но меня смутило другое. Следы на дороге. Внезапное резкое торможение и уход машины в сторону, как бывает, когда машина неожиданно перестает слушаться водителя. Причем даже не руль, а именно правое переднее колесо, которое резко вильнуло в сторону, как раз на повороте. У меня уже был однажды такой случай в Иркутске, когда я там работал. Только тогда шина была старая, и она лопнула, а автомобиль, ударившись, попал в аварию. Я настоял на новой экспертизе разбитой машины. К счастью, следователь оказался хоть и не слишком внимательным, но достаточно пунктуальным. Он не разрешил уничтожить автомобиль до официального заключения прокуратуры о причинах смерти молодых ученых. Обломки автомобиля были опломбированы на складе. Проведенная экспертиза подтвердила мои предположения. В правую шину кто-то выстрелил. И хотя дожди смыли следы убийцы, но тем не менее мы провели дополнительную баллистическую и трассологическую экспертизу и сумели установить с достаточной уверенностью, где именно мог находиться убийца. Мои заключения были переданы в ФСБ. У меня все. – Он подумал немного и добавил: – В настоящее время согласно полученному распоряжению и после подтверждения факта пропажи ядерных зарядов мы возбудили уголовное дело.

«Только сыщиков прокурорских мне здесь и не хватало», – зло подумал Земсков и сдержанно сказал:

– Мы расследуем дело как правительственная комиссия, результаты которой будут представлены высшему руководству страны. А вы можете проводить свое расследование, вам никто не мешает. Игорь Гаврилович, вы хотите что-нибудь сказать?

– Нет, – растерялся директор Центра, – я просто не представляю, кому могло понадобиться убийство двух ребят. И так жестоко? У Никиты Суровцева семья. Непонятно.

– Где его семья? – быстро спросил Земсков.

– Они сейчас в Москве. Когда узнали о случившемся, приезжали жена и брат. Жена особенно сильно убивалась. Она была в какой-то командировке в Хельсинки и узнала обо всем только через три дня. На похороны не успела. Потом забрала личные вещи мужа и уехала.

– Когда это было?

– Примерно в конце июня. Она управилась за несколько дней. Какое там имущество у наших ученых! Казенная квартира, казенная мебель, только два чемодана личных вещей. И детские игрушки.

– Полковник Машков, – генералу не понравилось лирическое отступление директора Центра, – доложите о ваших действиях.

– После получения информации из прокуратуры решено было направить специальную проверку, – доложил поднявшийся с места Машков. – Я заменил ушедшего на пенсию Степа-

нова. Четвертого августа в присутствии директора Центра и представителя Министерства обороны мы провели вскрытие контейнеров в лаборатории. Два из них оказались пустыми. Вчера в Центр прибыли сотрудники из Москвы. За вчерашний и часть сегодняшнего дня нами допрошены около двадцати сотрудников Центра, имевших хотя бы косвенное отношение к случившемуся. Ничего конкретного установить не удалось. У меня все.

– Список людей, имевших доступ в хранилище, вы уже составили? – Земсков видел, что академик Финкель не слушает и вполголоса переговаривается с Архиповым. Им было явно скучно сидеть на этом импровизированном совещании контрразведчиков. Но требовалось все проговорить предельно четко, хотя бы для последующих протоколов.

– Конечно, – Машков передал список. Земсков взял лист бумаги и едва не ахнул. Двадцать четыре фамилии.

– Вы с ума сошли? – гневно спросил он Машкова. – Я спрашиваю у вас про лиц, непосредственно имевших доступ в хранилище.

– Они все имели доступ, – подтвердил полковник. – Это в основном сотрудники из лаборатории Шарифова.

– Где он сам?

– С ним работают сейчас наши люди. Он должен дать подробные объяснения по поводу смерти двух своих специалистов. Мы попросили его вспомнить, чем именно они занимались в последние недели перед смертью, каковы были их обязанности, круг проблем. Сличить график посещения хранилища с их опытами, уточнить необходимость посещения хранилища в тот или другой день.

Это было правильно. Машков все делал правильно. Но он все равно вызывал у Земскова глухое, нарастающее раздражение. Может, потому, что говорил подчеркнуто независимым и сухим тоном, говорил все, даже такое, о чем лучше промолчать в присутствии ученых. А может, Машков не нравился Земскову именно потому, что он работал на своем месте до прихода генерала и не был обязан ему лично, в отличие от подполковника Левитина, который смотрел как преданный пес и готов был ловить любую интонацию начальства. Земсков не хотел признаваться даже самому себе, что причиной его неприязни к Машкову является внутренняя независимость полковника.

– Не знаю, что даст вам этот график, – поморщился для порядка Земсков, – но раз вы так считаете, продолжайте действовать.

Он снова услышал приглушенный разговор двух академиков. Черт возьми, придется дать им понять, что здесь важное государственное дело, а не посиделки. Он повернулся к Финкелю. Тому уже перевалило за семьдесят, но он сохранял тот блестящий ум и проницательность, которые и стали составляющими его огромного таланта. Архипов был помоложе. Что-то около шестидесяти. Финкель маленький, подвижный, суховатый старичок, тогда как Архипов основательный, массивный, неторопливый, с густой седой шевелюрой, всегда сохраняющей артистический беспорядок.

– Простите, что я вмешиваюсь, – нервно произнес директор Центра, – но мне кажется, что я просто обязан вмешаться. Вчера вашими людьми арестованы полковник Сырцов и его заместитель подполковник Волнов. У меня есть серьезные возражения по этому поводу. Ни Сырцов, ни Волнов не виноваты в случившемся. Полная ответственность за все лежит на мне. И я прошу немедленно освободить этих офицеров из-под ареста. Мне кажется, что арестовывать людей без достаточных оснований незаконно.

«Хорошо ему говорить, – подумал Земсков, – он ведь знает, что в любом случае его никто пальцем тронуть не посмеет. Академик, Герой, лауреат. В лучшем случае отправят на пенсию, и будет он жить в своей шикарной московской квартире и читать лекции студентам в университете...»

– Игорь Гаврилович, – постарался помягче ответить он, – вы же знаете, что ЯЗОРДы пропали. Ваша работа – в их создании и исследовании, а работа наших офицеров – их охрана. Два контейнера оказались пустыми. Значит, виноваты офицеры. Разберемся и отпустим, мы просто так никого не сажаем.

– Очень знакомая формулировка, – неожиданно громко произнес Финкель, – но вообще-то Игорь Гаврилович прав. Нельзя просто так арестовывать людей.

«Еще один адвокат нашелся», – подумал генерал. Он хотел что-то сказать, но его опередил генерал Ерошенко. Он заметил нарастающее раздражение своего коллеги и решил прийти ему на выручку, проявляя корпоративную солидарность всех контрразведчиков. В конце концов, здесь можно было проявить благородство, которое, во-первых, попадет в официальный протокол, а во-вторых, укажет на принципиальную позицию самого Ерошенко. В конце концов главным ответчиком все равно будет Земсков. Он председатель комиссии. Ему и достанутся все шишки.

– Из-за нашего разгильдяйства и расхлябанности мы несем большие потери, – нравоучительно сказал Ерошенко. – Если бы молодые люди, которые так нелепо погибли, не пошли на контакт с представителями преступного мира, никто не стал бы их убивать. Значит, им что-то предложили, и они согласились. Иногда нужно удержать человека от опрометчивых шагов. Может, мы сейчас помогаем Сырцову и Волнову, спасаем их от необдуманных решений или поступков. Люди они смелые, горячие, импульсивные. Вдруг кому-то из них придет в голову, что он лично виноват в случившемся. И он захочет застрелиться. А ведь у каждого из них семья...

– То есть вы их сажаете для спасения, – весело уточнил Финкель.

Ерошенко побагровел. «Сидел бы на месте этого еврея кто-нибудь другой... В армии таких не встретишь. Они все идут в ученые, в академики, в доктора», – зло подумал генерал. Но сдержался. Он знал, кто такой Финкель, и понимал, что здесь не место для споров с академиком.

– Мы должны разобраться, – терпеливо пояснил Земсков. – Офицеры не арестованы, они пока задержаны и отстранены от выполнения своих обязанностей до выяснения ситуации. И потом – какой арест в условиях Центра? У вас ведь тюрьмы нет, насколько я знаю? Просто они находятся под домашним арестом, и, когда все выяснится, я сам с удовольствием открою им двери.

– Я продолжаю настаивать, чтобы все меры, касающиеся наших сотрудников, полностью применялись и ко мне, – запальчиво произнес Добровольский.

– Нет, – разозлился Земсков, – вы ученый, а они офицеры. Есть такое понятие, как присяга, Игорь Гаврилович. К человеку в погонах всегда повышенные требования. И потом, это зависит не только от меня. Когда разберемся, я доложу в Москву и обязательно сообщу о вашем мнении.

Он снова посмотрел на список. Двадцать четыре человека. Такой список можно проверять целый месяц. Он поднял голову и встретил взгляд Кудрявцева.

– Вы что-то хотите сказать? – спросил он.

Единственный из ученых, Кудрявцев был одет не просто хорошо, а элегантно. На нем был довольно модный галстук, отлично сидевший костюм, дорогие ботинки. В отличие от остальных академиков, явно не следящих за современной мужской модой, Кудрявцев походил на преуспевающего американского бизнесмена или политика.

«И чего его потянуло в этот поселок, – подозрительно подумал Земсков, – сидел бы где-нибудь в Нью-Йорке...»

– Мне кажется, что поиски виновников случившегося сейчас не самое главное, – пояснил Кудрявцев. – Важнее проанализировать ситуацию и понять, куда могли деться ЯЗОРДы.

– А мы чем, по-вашему, занимаемся? – грубо, не сдержавшись, ответил Земсков. Он не сдержался именно потому, что все произнесенные в кабинете слова фиксировались на пленку, а это был невольный упрек именно ему. Кудрявцев развел руками. – Нужно составить еще один список, – приказал Земсков, глядя на Машкова. – Всех, кто в последние месяцы контактировал с погибшими учеными. В том числе проверить их связи в других городах. Нужно узнать, почему жена этого Суровцева гуляла и гуляет по Финляндии, пока он сидел в Центре. У нее так много денег? На какие деньги она гуляет?

– Они, по-моему, в последние годы не жили вместе, – снова вмешался Кудрявцев.

– Тем более, – кивнул генерал, – почему разошлись? Почему она уехала от него? И проверьте все связи второго. Как его звали?

– Эрик Глинштейн, – сразу ответил Машков. – Он довольно долго работал в Центре. Но он был холост.

Услышав, что еще один из ученых был евреем, Ерошенко шумно вздохнул. Он не был антисемитом, просто его раздражало засилие представителей одной национальности в науке, сфере, которую он курировал. Ерошенко никогда не признался бы себе, что все его комплексы имели в своей основе одну конкретную причину. Его собственный сын дважды провалился на вступительных экзаменах в институт, тогда как еврейский мальчик, с которым сын просидел за одной партой десять лет в школе, учился уже на третьем курсе МГУ и был вечным укором сыну генерала, сумевшему поступить только с третьего раза.

Ведь если разобраться – в основе любой «фобии» всегда лежат конкретные, низменные причины. Человек не может вот так просто не любить другого человека только за форму его глаз или носа. Он должен внушить себе, или ему должны внушить, что именно благодаря иному разрезу глаз или форме черепа представитель другого народа имеет больше шансов на успех. И тогда в человеке просыпается первобытное чувство ревности к более удачливому сопернику. На охоте или на рыбалке, в науке или в искусстве, суть не в этом. Важны конкретные причины, позволяющие одному ненавидеть другого и подводить под эту ненависть хоть какое-то обоснование.

– Проверьте второго, – подтвердил Земсков. – Судя по всему, именно их участие в похищении ЯЗОРДов толкнуло убийцу на столь изощренное преступление. Нужно будет обратиться к жителям вашего городка, Игорь Гаврилович, пусть они сдадут все оружие, которое у них есть. В том числе и охотничье.

– Какое здесь оружие? – удивился директор Центра. – Две-три винтовки. Иногда ходят на охоту. У меня тоже есть дома винтовка. Вы думаете, что кто-то из наших?..

Он растерянно оглядел присутствующих. Финкель опять о чем-то шептался с Архиповым. Земскову это начинало надоедать. В конце концов, Игорь Гаврилович хоть и академик, но член комиссии и обязан быть хотя бы немного дисциплинированным.

– Я пока ничего не думаю, – строго ответил генерал, – но винтовки мы все равно проверим. Исаак Самуилович, вы ничего не хотите добавить? – спросил он у академика Финкеля.

– Хочу, – поднялся академик, – очень даже хочу. Вы нас извините, товарищи, что мы тут тихо свои проблемы обсуждали, о своем говорили. Не знаю, кто украл ЯЗОРДы и кто вообще придумал это хищение, но тот, кто его придумал, – настоящий гений. Вывезти из охраняемого Центра такой груз и не попасться – такое даже мне не могло прийти в голову. Хотя, впрочем, я просто не продумывал такую операцию, – добавил он улыбаясь. – Но мы говорили с Константином Васильевичем как раз об охране Центра. Ведь проверка на радиоактивность любого человека, выходящего из Центра, и любой машины – это непреложный закон. Я правильно понимаю?

– Да, – кивнул Добровольский. Он, видимо, тоже еще не совсем понимал, о чем говорили Финкель с Архиповым.

– Система охраны Центра разрабатывалась с участием академика Архипова, – продолжал Финкель, – и я хотел бы, чтобы он продолжил мою мысль.

«Научный диспут устроили», – с досадой подумал Земсков, но не посмел возразить.

Архипов откашлялся, словно собирался начать лекцию, и строгим, менторским тоном начал:

– Я не хотел бы утомлять вас общими рассуждениями. Мы с Исааком Самуиловичем уже обсуждали эту проблему и вчера, когда стало известно о хищении в Центре двух зарядов, и сегодня. Обсуждали с научной точки зрения. Нам было интересно, как можно устранить радиоактивное излучение при проходе через зоны охраны. Дело в том, что в моем институте проводятся перспективные разработки подобных методов, но пока они не могут гарантировать полное поглощение радиоактивности. Кроме того, контейнеры не игрушечные, их в кармане спрятать трудно. Но я хотел бы, чтобы о свойствах самого ЯЗОРДа рассказал его создатель – академик Финкель. Это он подсказал мне одну идею. И я думаю, что с точки зрения справедливости, Исаак Самуилович, вы должны продолжить.

«Пусть говорят, – думал Земсков, – пусть упражняются в благородстве и пусть говорят как можно больше. Всегда можно будет сослаться на их авторитет. Хотя если ЯЗОРДы действительно пропали, то все очень плохо. Я могу вылететь из своего кабинета как пробка. Академикам ничего не сделают. Они гении. А меня погонят в три шеи. И могут даже разжаловать. Попаду под горячую руку, и все...»

– Дело в том, что в разработке ЯЗОРДов используются совсем другие компоненты, не характерные для обычного ядерного оружия, – продолжал академическим голосом Финкель. Архипов и Добровольский восторженно кивали головами. Они смотрели на старика, как на своего рода гуру. Земсков переглянулся с Ерошенко. Приходится слушать этот научный бред. Ничего не поделаешь, он мировая знаменитость. – В производстве ЯЗОРДов, или «ядерных чемоданчиков», как их называют, мы применили трансурановый элемент – калифорний. Наиболее стабильный изотоп калифорния – Cf 251 – имеет период полураспада около тысячи лет. При этом критическая масса самого изотопа для получения неуправляемой цепной реакции деления или взрыва, как говорят обычно, ничтожно мала. Мы учитывали, создавая ЯЗОРДы, именно это свойство калифорния.

«Когда он кончит свою лекцию?... – нетерпеливо подумал Земсков. – Для нашего дела от них все равно нет никакой пользы. Только имена, чтобы прикрыть ими комиссию в случае необходимости». Он заметил, с каким интересом слушает академика Машков, и это разозлило его еще больше. Получалось, что полковник знает больше, чем он, генерал. Или он притворяется. Хотя он, кажется, кончал какой-то технический институт, а только потом был рекомендован на работу в органы.

– Получить калифорний очень трудно, – продолжал Финкель. – Насколько мне известно, его удалось пока получить только нам и американцам. Использование подобного элемента в ядерной промышленности было нецелесообразно с самого начала, мы об этом много говорили и писали. Калифорний очень дорогой материал. Мы получали его на электромагнитных ускорителях ядерных частиц. И получали только для производства ЯЗОРДов.

Он увидел растерянные лица генералов, так ничего и не понявших в его лекции, и улыбнулся, внезапно спохватившись.

– Простите, я, кажется, увлекся... Дело в том, что объем калифорния невелик. Его, конечно, нельзя отделить от самого заряда, но он весит граммы.

– Значит, его можно было спрятать и пронести через систему охраны? – восторженно спросил Земсков, услышав слово «граммы».

– Нет. Абсолютно невозможно, даже теоретически. Только в условиях лаборатории, и на это уйдет несколько месяцев, – безжалостно отрезал Финкель. – Дело в том, что количество атомов в одном грамме определяется настолько большим числом, что к нему нужно добавлять

двадцать три нуля. Но я не об этом. Самое важное свойство калифорния как раз и состоит в том, что период его полураспада около тысячи лет. Калифорний чрезвычайно радиоактивен, и его нельзя было просто вынести из Центра, не обнаружив себя, как правильно отметил академик Архипов. Даже если были бы использованы научные разработки его института, все равно, хотя бы слабый фон должен был присутствовать.

– Что? – Земсков наконец понял, что ученый говорит по делу, по конкретному делу, которое всех так волновало.

– Мы обсудили с Константином Васильевичем возможность хищения ЯЗОРДов. Это теоретически возможно. Во время прохода через систему охраны радиоактивность калифорния должна была так или иначе заявить о себе. Для транспортировки подобных зарядов в институте Архипова были разработаны специальные двойные пластины, поглощающие радиоактивность и как бы отражающие ее друг на друга. Конечно, такие пластины долго не выдерживали, но на месяц их хватало. Только при наличии этих пластин хищение ЯЗОРДов представляется возможным.

– Я об этом думал, – кивнул Добровольский, не ожидая, пока ответит Земсков, – но у нас строгий контроль. Получается, что ЯЗОРДы все равно должны были остаться в Центре. А их здесь нет.

– А отходы? – весело спросил Финкель, словно участвовал в каком-то отвлеченном научном диспуте. – Вы про них забыли, Игорь Гаврилович? Ведь отходы у вас вывозят примерно каждый месяц, а они очень радиоактивны. Очень. И их никто не проверяет. Когда погибли ваши ребята, вы помните?

Земсков хотел вмешаться, прекратить эти научные обсуждения, но вдруг понял, что именно сейчас, именно во время этой беседы академики смогут определить то, что не сможет определить никакая комиссия ФСБ, даже составленная из лучших специалистов.

– Они погибли одиннадцатого июня.

– А когда в июне вывозили отходы? – быстро спросил Финкель. – И узнайте, кто из лаборатории их сопровождал. Обычно наши молодые коллеги очень не любят заниматься вывозом подобного мусора, и их приходится назначать по очереди почти в принудительном порядке. Впрочем, все это можно проверить.

Добровольский побледнел, посмотрел на Кудрявцева, словно сам не мог подняться с места. Кудрявцев встал, подошел к столу и, даже не спрашивая разрешения у Земскова, быстро набрал номер.

– Когда в июне вывозили радиоактивные отходы? – спросил он дрогнувшим голосом. – И кто из сотрудников лаборатории их сопровождал?

Машков встал со своего места. Ерошенко открыл рот, но так ничего и не сказал. Архипов нахмурился. Добровольский держался за сердце. Только Финкель добродушно улыбался. Земсков, затаив дыхание, ждал ответа. Неужели все так просто? Или Финкель действительно гений? Архипов шумно вздохнул.

– Если они и вправду вывезли заряды под прикрытием радиоактивных отходов, то ребята действительно были талантливые. Жаль, что они связались с преступниками.

– Да, – кивнул Финкель, – конечно, жаль молодых людей. Они сделали неправильный выбор. Но сама идея хорошо продумана, если, конечно, подтвердится наше предположение.

Кудрявцев, очевидно, получил ответ. Он поднял голову, посмотрел на директора Центра, сморщился и положил трубку.

– Десятого, – выдохнул он, – отходы вывозили десятого. Их сопровождали Глинштейн и Суровцев.

– Господи, – вырвалось у Добровольского.

Ерошенко с невольным уважением посмотрел на Финкеля и Архипова.

«Хоть бы мой сын был похож на них, – подумал он с восхищением, – вот это головы. Шутя разрешили проблему, над которой мы бились два дня».

Москва. 6 августа

Саша приехал на встречу на своем «Мерседесе». Дела шли неплохо, и они с братом зарабатывали прилично. При этом Саша являл собой тот уникальный образец совмещения государственной службы с частным бизнесом, который удавался далеко не каждому. Он все еще числился в Институте США и Канады. Но уже три месяца даже не ходил получать свою зарплату, которой не хватило бы ему и на один приличный костюм.

И хотя «Мерседес» не совсем новый, тем не менее это «шестисотый», как раз та модель, о которой мечтал любой начинающий бизнесмен или уголовник. Саша подъехал к назначенному месту, вышел из автомобиля, достал тряпку, словно для того, чтобы протереть стекла. К нему уже спешил Леня, обычно ремонтировавший его машину. Это был центр досуга, открытый для иностранцев, где почти не было местных граждан, за исключением очень привилегированных особ и членов их семей.

– Посмотри машину, – лениво попросил Саша, – и масло поменяй. – Он бросил ключи.

Леня кивнул. Конечно, можно было не ехать сюда, а менять масло в более современных пунктах обслуживания «Мерседесов», но Саша регулярно приезжал именно сюда, где обычно встречался с мистером Кларком. Ждать пришлось недолго. Мистер Кларк подъехал ровно в двенадцать часов. Он поднялся на второй этаж, где находилось кафе. Усевшись за столик напротив Саши, он улыбнулся, взглянув на часы. Как всегда – пунктуален.

– Здравствуйте, Саша, – приветливо сказал мистер Кларк, – вы уже сделали заказ?

– Нет, ждал вас, – улыбнулся Саша, – говорят, сегодня есть неплохие устрицы.

– Я поэтому такой полный, – замахал руками мистер Кларк, – посмотрите на меня. Любовь к устрицам сделала меня таким. И еще любовь к вашим пельменям. Это очень вкусное блюдо. Я иногда покупаю их в коробках и отвожу домой, в Америку. Но там не могут понять прелести настоящих русских пельменей.

– Да, – улыбнулся Саша, – правильно. У вас действительно многого не понимают в нашей жизни, в том числе и в еде.

– Давайте закажем устриц, – махнул рукой Кларк, – только по четыре, не больше, иначе я не смогу вернуться на службу.

В прежние времена такой контакт советского гражданина с иностранцем был бы немыслимым проступком. За каждым иностранцем, прибывшим в страну, устанавливалось жесткое и плотное наблюдение. Тем более за сотрудниками американского посольства в Москве, половина из которых представляла совсем не государственный департамент. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что и сотрудники российского посольства в Вашингтоне тоже не все были представителями Министерства иностранных дел. Это было обычным явлением во времена «холодной войны», когда все следили за всеми. И хотя времена изменились, само понятие «холодная война» исчезло, как исчезли Советский Союз, военный блок стран – участниц Варшавского Договора, СЭВ. Тем не менее специфические задачи американской разведки сохранились, как, впрочем, и подобные задачи их российских коллег. С той лишь разницей, что представителям России по-прежнему было сложно работать в Америке, тогда как представители США почти не испытывали затруднений в своей работе. Это было связано и с общим развалом страны, и с конкретным развалом спецслужб, и с постоянными потрясениями в контрразведке, когда сотрудников в первую очередь волновало, останутся ли они на своих местах или нет, а уже во вторую они пытались противостоять многочисленным разведкам мира, усилившим свою деятельность в Москве.

Саша кивнул официанту и сделал заказ, зная, что все равно платить не придется. Привилегированные члены клуба обслуживались бесплатно, а членские взносы были вполне разумны. Правда, никто не спрашивал, за счет каких средств покрывается весь остальной бюд-

жет и какая именно организация содержит такие клубы. Впрочем, это было бы невежливо, а здесь ценили хорошие манеры.

– У вас сегодня какое-то нервное настроение, – сказал мистер Кларк, глядя на своего собеседника. – Что-нибудь случилось?

– У меня важные новости, – шепотом сообщил Саша, – тесть вчера был на совещании у Президента.

– Ваш тесть каждый день бывает у Президента, – возразил Кларк. – Ваши новости можно увидеть по телевизору, достаточно нажать кнопку, я вам об этом уже много раз говорил.

Он привык к тому, что Саша часто сообщал ему о таких вещах, которые можно было узнать либо из газет, либо из сообщений информационных агентств.

– Нет, – сказал Саша, – это не те новости. Они вчера обсуждали совсем другой вопрос. Вот вы всегда так: стоит мне что-нибудь вам рассказать, как вы говорите, что эта новость уже прошла по телевидению.

– Век информатики, Саша, – развел руками мистер Кларк. – Наш президент Буш узнавал о событиях в Багдаде не из сообщений ЦРУ и Пентагона, а из журналистских репортажей корреспондентов Си-эн-эн. Об этом все знают.

– Бывают вопросы, которых никто не знает, – торжествующе сказал Саша. – Вот вы пишете свою колонку в «Нью-Йорк таймс». Как вы думаете, ваших читателей заинтересует информация о небольшом ядерном устройстве?

– Это все равно что писать про лох-несское чудовище, – отмахнулся мистер Кларк. – Сейчас это уже немодно.

– Можно заинтересовать читателей, указав, что такое оружие действительно существует.

– Ученые считают, что его невозможно создать, – возразил мистер Кларк, – про это уже писали много раз.

– А вы напишите еще раз, – победно предложил Саша, – и попадете в самую точку.

Официант принес устрицы, красиво выложенные на тарелке рядом с лимонами. Нужно было выдавливать лимонный сок на лежавших в раковинах моллюсков, и только тогда их можно было есть. При этом устрицы оставались еще живыми, и, дотронувшись вилкой, можно было заметить, как они реагируют.

– Потрясающая идея, – сказал мистер Кларк. – Вы считаете, что такая статья может иметь успех?

– Обязательно, – убежденно сказал Саша.

Мистер Кларк попросил официанта принести бутылку шампанского. Тот мгновенно выполнил заказ.

– Я сегодня получил приятные новости из Чикаго, – сообщил мистер Кларк. – Кажется, они готовы пригласить вас читать лекции на очень выгодных условиях, Саша. Это очень солидная оплата. Выпьем за ваш успех.

Саша не любил шампанского. Оно било ему в голову, но он не решился сказать об этом.

– А статью вы все-таки напишите.

– Это неинтересно, – отмахнулся Кларк, – надо мной просто посмеются. Кого сейчас волнуют проблемы такого оружия.

– Если оно существует, то это очень интересная проблема, – возразил Саша. – Вы представляете, что может быть, если его похитят?

Он увидел сидевшую в углу зала супругу заместителя министра иностранных дел и кивнул ей, здороваясь.

– Сначала нужно доказать возможность его существования, – возразил мистер Кларк.

– Вы можете уточнить у ваших ученых, – предложил Саша. – Я думаю, вы не ошибетесь, если напишете эту статью. Такой материал может оказаться очень актуален.

– Почему? – быстро уточнил Кларк.

– А если подобное оружие будет похищено? Вы представляете масштабы опасности? – вдохновенно спросил Саша. Сообщение о Чикаго, шампанское с устрицами, окружавшие его люди – все это настраивало на особый лад. – Представьте, что это экспериментальное оружие, – продолжал настаивать Саша. – Особый тип ядерного оружия, не попадающего под обычные статьи о сокращении вооружений.

– Но под договор попадают все ядерные вооружения, – возразил Кларк, чувствуя легкое беспокойство.

– А эти не попадают, – торжествуя сообщил Саша. – Вы можете себе такое представить?

– Не могу. Кстати, этими проблемами, кажется, занимается ваш тесть.

– Да, – испуганно сказал Саша, чувствуя, что разговор уже дошел до опасной грани, – кажется, да.

– И такое оружие может пропасть? – с притворным ужасом спросил Кларк и затем махнул рукой. – Оставим эту тему для фантастов, Саша. Нам нужно заниматься конкретными делами. Я все-таки чиновник на службе, а не обычный журналист, хотя мне и разрешено иметь свою колонку в газете. Но это не значит, что я могу позволить себе безответственные заявления.

– Да-да, конечно, – охотно согласился с ним Саша.

Вернувшись к себе, мистер Кларк составил подробный отчет о беседе, указав на возможное существование у России подобного оружия. Подумав немного, он указал и на возможность хищения такого оружия, отметив, что в разговоре с ним несколько раз упоминалась и эта проблема. Составляя сообщение, он очень волновался. Оно было самым ценным за все время его пребывания в России.

Он уже предвкушал успех, еще не подозревая, что это сообщение станет началом конца его карьеры.

Поселок Чогунаш. 6 августа

Теперь уже не было никаких сомнений, что заряды похищены и вывезены из Центра. До этого в подобное никто не верил. Двое молодых ученых имели беспрепятственный доступ в лабораторию, и проверка показала, что они бывали там почти каждую неделю. И их дежурство именно в день вывоза отходов вызывало слишком много вопросов. Земсков обратил внимание, что Кудрявцев сидел какой-то задумчивый, словно вспоминал о чем-то неприятном. Но генералу сейчас было не до сентиментальных рассуждений. Следовало немедленно допросить водителя машины, на которой вывозили отходы, и руководителя смены техников, отвечавших за их погрузку.

Пока академики оживленно обсуждали свои проблемы, взбешенный Земсков приказал найти и доставить к нему обоих сотрудников Центра, которые могли оказаться причастными к похищению ЯЗОРДов. Он разозлился не потому, что Финкель и Архипов сумели так быстро обнаружить способ хищения зарядов. Его больше всего злило то, что само хищение подтвердилось и теперь было ясно, что контейнеры стояли пустыми почти два месяца. Он с ужасом подумал, куда могли деться ЯЗОРДы за это время. Докладывать в Москву о том, что заряды похищены два месяца назад, а обнаружено это только в начале августа, означало подписать самому себе немедленную отставку. Но и не докладывать тоже невозможно. Оставалось только выяснить все обстоятельства хищения до конца.

Через пятнадцать минут нашли руководителя смены техников, мрачного, неразговорчивого мужчину лет пятидесяти. Когда он вошел в кабинет, Земсков, не сдержавшись, закричал:

– Это вы работали десятого июня? Ваша была смена?

– Не помню, – с достоинством ответил тот. – А почему вы кричите?

Академики с удивлением посмотрели на сорвавшегося генерала, и тот вспомнил, что обязан сдерживаться, хотя после подтверждения самого факта хищения это было очень трудно. Ядерные заряды похищены два месяца назад, а ФСБ только сейчас узнает об этом. Генерал Земсков с ужасом представлял себе реакцию руководства.

– Извините, – выдал он, – у меня нервы шалят. Скажите, это ваша смена работала десятого июня?

– Нужно проверить, но мне кажется, что моя. Как раз Глинштейн и Суровцев за день до своей нелепой гибели попросились в смену. Они согласились сопровождать наш груз. Я даже удивился, ведь обычно подобного никогда не случалось. От этой обязанности уваливали все наши сотрудники.

– Они попросились именно десятого? – привстал со своего места Земсков. Рассуждения академиков находили более чем убедительное подтверждение.

– Нет. Они просили об этом еще за день или за два, чтобы успеть получить «добро» руководства. Я даже докладывал Кудрявцеву, и он тоже удивился.

– Вы знали об этом? – обернулся генерал к Кудрявцеву.

– Да, – смущенно кивнул тот. – Просто я совсем забыл об этом. Они действительно подошли ко мне восьмого или девятого июня и попросились в эту смену.

– А почему вы сразу об этом не сказали? – стукнул кулаком по столу Земсков.

– Я не придавал этому значения, – опустил голову Кудрявцев. Он снял очки и глухо добавил: – Теперь я понимаю, что мне тогда не следовало разрешать им вот так просто выйти в эту смену. Нужно было уточнить причины, узнать, почему они просят не в свою очередь. Там была очередь совсем другой пары... Но я им разрешил. Наша обычная запарка, столько было работы, что я даже обрадовался, узнав, что они сами хотят... В общем, вы понимаете, я тогда разрешил. И совершенно забыл об этом. И только сегодня, когда сказали, что они дежурили именно десятого июня, я вспомнил, что это была не их смена.

«Почему он такой забывчивый?» – подумал Земсков, но не стал ничего уточнять. Сейчас не время. Главное, узнать, как груз вышел за ворота Центра.

– Вы разрешили им поменяться? – спросил он у Кудрявцева.

– Да, – тот протер очки и снова надел их.

– И ничего у них не спросили?

– Нет, ничего. Я не придавал этому значения. Простите, Игорь Гаврилович, я, кажется, подвел и вас.

– Я бы тоже разрешил и не придавал бы этому никакого значения, – благородно ответил Добровольский. – Но теперь-то вы понимаете, что арестованные вами офицеры не имеют к этому хищению никакого отношения?

– С ними решим потом, – отмахнулся Земсков и, обращаясь к руководителю смены, спросил: – Вы лично руководили погрузкой?

– Конечно.

– И вы лично закрывали машину?

– Разумеется. У нас очень строгие правила.

– И автомобиль потом нигде не останавливался?

– По-моему, нет. Он сразу поехал к проходной, чтобы доставить груз на станцию. Там груз перегружают, пломбируют и отправляют для складирования.

– Значит, вы должны были видеть, что, кроме отходов, в машину грузятся и ЯЗОРДы? – снова не сдержавшись, рявкнул Земсков.

– Нет, я ничего не видел, – все так же не повышая голоса, ответил руководитель смены. – И вы напрасно так нервничаете. При мне никаких зарядов погрузить не могли. Это исключено.

– А вот академик Финкель считает, что заряды вывезли именно с радиоактивными отходами, – показал на академика Земсков, – или вы ему тоже не доверяете?

– Ему доверяю, – ответил допрашиваемый, сделав ударение на первом слове и демонстрируя полное презрение к генералу ФСБ, – но при мне ничего подобного не грузили. Иначе я бы немедленно остановил погрузку. Грузили только отходы.

– Вот чем должна заниматься прокуратура, – показал на руководителя смены генерал Земсков. – Вы ведь возбуждали уголовное дело, а ничего не проверяете.

– Когда вы закончите, я тут же начну проверку, – спокойно ответил прокурор. – По-моему, сейчас важнее установить не конкретную личность виновного, а место нахождения самих зарядов.

Он был прав, и Земскову оставалось только проглотить и этот упрек.

– Вот план Центра, – показал на схему Ерошенко, решивший, что пора вмешаться, – пусть он начертит путь автомобиля. Где он загружается и как идет к воротам. Пусть все покажет на схеме.

Земсков вспомнил, что руководитель смены – сотрудник Министерства обороны и формально проходит по ведомству военной контрразведки. Водитель тоже был военным. Можно будет в крайнем случае доложить, что ФСБ обнаружило пропажу контейнеров, в хищении которых виноваты военные, подумал он с облегчением.

Руководитель смены подошел к столу и быстрыми, четкими движениями карандаша начертил схему. Ерошенко и Земсков наклонились над схемой. К ним подошел Добровольский.

– И автомобиль нигде не останавливается? – уточнил Земсков.

– Останавливается, – вдруг сказал академик Добровольский. – Вот здесь останавливается, у основных корпусов. Это запрещено, но обычно мы вывозим и другой мусор, который нам не нужен. Вот здесь останавливается.

– Рядом с лабораторией Шарифова, – прочитал Ерошенко по схеме, поднимая голову. – Чего же вы молчали?

– Я не молчал. Вы спросили, и я вам показал. А раньше вы не спрашивали.

– Немедленно найдите водителя машины, – потеряв всякое терпение, приказал Земсков, глядя на полковника Машкова. Тот поспешил выйти из кабинета.

– Кто вы по званию? – спросил Ерошенко у руководителя смены.

– Майор, товарищ генерал.

– Товарищ майор, как вы считаете, могли ли во время остановки погрузить в машину два похищенных из хранилища заряда? Отвечайте честно, как офицер. Могли или нет?

Все замолчали. Земсков скрипнул зубами. Вспомнил про офицерскую честь. Еще бы про присягу напомнил.

– Могли, – мужественно ответил майор. – Думаю, что могли.

– Спасибо, – кивнул Ерошенко.

«Вечно так, – зло подумал Земсков, – мы расхлебываем то, что делают военные. Им нужно было следить за порядком в Центре, а не про офицерскую честь помнить».

– А почему вы разрешили поменять смену? – снова спросил он у Кудрявцева. – Тем более, если раньше таких прецедентов не было.

– Ребята попросили, – пожал плечами Кудрявцев. – Я даже забыл про этот случай. А потом они так нелепо и трагически погибли.

– Они чем-то обосновывали свою просьбу?

– Нет. Просто сказали, что им нужно поменяться.

Земсков хотел задать еще много вопросов. Его немного смущали эти академики, которые были теперь совсем не нужны. Он уже собирался попросить их выйти из кабинета, когда в комнату ворвался Машков.

– Его нигде нет, – доложил он, тяжело дыша, – его нигде нет.

– Кого?

Генерал не хотел признаваться, что уже просто начал бояться неприятностей этого дня. Он-то посчитал, что все они кончились, он еще не знал, что самая главная неприятность ждет его впереди.

– Водителя грузовика, – доложил Машков. – Мы нигде не можем его найти.

– Так, – злым голосом сказал Земсков, глядя на Ерошенко. Если исчезает военнослужащий, то это уже прямое дело ведомства Ерошенко. Пусть они покажут, на что способны. Это их проблема.

– Как это исчез? – поднялся Ерошенко. – Где он сейчас?

– Его нет ни дома, ни на службе. Вчера ночью он не пришел ночевать. Жена не беспокоилась, думала, что он на дежурстве. Его нигде нет со вчерашнего дня.

Ерошенко посмотрел на Земскова. Оба генерала поняли, что их главные проблемы еще только начинаются.

Санкт-Петербург. 7 августа

Сухарев хорошо знал, как провозятся нужные грузы. Сириец не впервые поручал ему подобные дела. В этом не было ничего сложного. Все документы на вагон оформлялись, как полагается. И затем в середине вагона бережно укладывалась «посылка», которую следовало перевезти. Обычно перевозили лесоматериалы и бумагу, причем в обе стороны. Так что спрятать «посылку» было легко. Пограничникам и таможенникам, уже знавшим Сухарева в лицо, и в голову бы не пришло разбирать весь груз в вагоне, чтобы найти какой-нибудь ящик. И хотя по правилам сама погрузка должна была проводиться с участием сотрудников таможенных служб, кто следил за этим, если получал щедрое вознаграждение?

Система коррупции в бывшем Советском Союзе по-своему уникальное и очень интересное явление. Если на западе страны взятку чиновникам нужно было давать за молчаливое одобрение или за прямую помощь, то ближе к северу чиновники начинали заниматься самым откровенным вымогательством. И если на северо-западе, в Прибалтийских республиках, взятка была исключением, то на юге – самым обычным явлением, причем ее размеры принимали иногда невероятные размеры. А на севере страны она могла варьироваться в пределах одного ящика водки или хорошей закуски.

Если в Прибалтике чиновники старались вести себя по-западному и придерживались каких-то принципов, то на Украине и в Белоруссии они уже позволяли себе принимать любые подарки. В самой России настоящее взяточничество началось после распада страны, когда суммы за услуги чиновников стали исчисляться миллионами долларов.

И наконец, коррупция прочно победила в республиках бывшего Закавказья и в Средней Азии. По-своему уникальная ситуация сложилась в некоторых из них, когда взятку нужно было давать не за незаконный провоз грузов или другое противоправное деяние, а за законный провоз грузов, в противном случае не имевших никаких шансов благополучно миновать границу. То есть платили не за нарушение законов, а за их соблюдение, оплачивая собственные законные действия и такие же действия чиновников. Но на севере, в бывшем Ленинграде, все еще действовали, пусть и относительные, моральные нормы, когда нужно было платить именно за молчаливое согласие на беспрепятственный провоз грузов любого вида.

Сухарев приехал загоя, чтобы получить груз, который обещал привезти Сириец. Загрузка трех вагонов лесоматериалами должна была состояться на комбинате, где благожелательные таможенники готовы были опломбировать любой вагон с любым грузом. Все шло нормально, два вагона были уже погружены, ждали людей Сирийца, чтобы загрузить третий, когда неожиданно подъехали сразу несколько автомобилей.

Сухарева очень удивило появление самого Сирийца. Обычно тот не занимался подобной мелочевкой. Еще больше он удивился, когда подъехал небольшой грузовой автомобиль и несколько человек Сирийца выгрузили из него два ящика и занесли их в вагон.

– Вот эти два ящика, – показал Сириец, – лично доставишь в Хельсинки к Федору. И не забудь, головой отвечаешь.

– Конечно, – привычно быстро откликнулся Сухарев и уверенно добавил: – Все будет в лучшем виде.

– С тобой до границы поедут наши. Восемь человек, – показал на выходивших из машины ребят Сириец. Все они были вооружены. Сухарев знал некоторых из них. Это были лучшие боевики Сирийца.

«Что это такое интересное мы везем в этих ящиках, раз он охрану с нами посылает? – мелькнула в голове мысль. – Может, Сириец решил денежки свои вывезти из страны или ценности?»

– А вот эти двое поедут с тобой через границу, – показал Сириец на темноволосых парней, молча смотревших на Сухарева. – Они вместе с тобой отвечают за груз.

– Здорово, ребята, – весело сказал Сухарев, – значит, вместе поедем.

Один из незнакомцев, высокий, худой, с мертвыми застывшими глазами и землистым цветом лица, промолчал, словно не слышал обращения. Он был в темном костюме, на голове шляпа, которую носили либо иностранцы, либо гангстеры в фильмах. Но гангстеров Сухарев никогда не видел, а иностранцев в таких шляпах сколько угодно. К тому же поза незнакомца свидетельствовала о том, что он действительно не понял обращения Сухарева. Другой, поменьше ростом и поплотнее, одетый в кожаную куртку и в такой же кепке, кивнул в ответ.

– Здорово, – сказал он с каким-то непонятным акцентом. И ничего больше не добавил.

«Чудные какие-то», – решил Сухарев. Впрочем, это его не касалось. Он должен был доставить груз до места назначения, а там пускай Федор сам разбирается и с этими типами, и с драгоценностями Сирийца, если, конечно, там действительно драгоценности.

– Будь осторожен, – тихо предупредил Сириец, – мои ребята будут провожать вас до самой границы. Никому не говори о том, что ты сегодня повез груз. Домой уже не заедешь?

– Нет, конечно. Куда домой? Мы вот-вот тронемся.

– Вот и хорошо. Телефон мобильный у тебя с собой? Если что случится – сразу звони. Я свой телефон буду при себе держать. Сразу ко мне и попадешь.

Это опять удивило Сухарева. Сириец не любил носить с собой мобильный телефон и отдавал его секретарям и водителям, чтобы они сообщали ему о всех возможных звонках. «Какой же все-таки груз мы везем?» – снова подумал Сухарев.

– Как только приедешь в Хельсинки, позвони мне, – продолжал Сириец. – Федор с людьми уже на месте. Но он встречать вас будет не в городе. Как только пересечете границу, он вас сразу и встретит. Приедет прямо к границе. Пароход в порту тоже готов. Перегрузишь ящики на машины и сразу в порт. И нигде не останавливаться! Ты меня понял?

– Да, конечно. Нигде не остановимся. Значит, эти двое поедут со мной через границу? – показал он на незнакомцев.

– Вместе с тобой, – кивнул Сириец. – Они все время будут вместе с тобой.

– Паспорта у них в порядке, виза есть? Финны сейчас строго проверяют.

– За это не волнуйся. Паспорта и документы у них в полном порядке. Они представители нашего совместного предприятия и едут вместе с тобой в Финляндию в командировку. Ты меня понял? Твое дело маленькое – привез, сдал. Будут спрашивать на границе, ты ничего не знаешь.

– Если про иностранцев спросят?

– Они не иностранцы, – зло ответил Сириец. – Я же тебе объяснил, что они представители нашего совместного предприятия. Один из них россиянин, а другой... в общем, он наш представитель, и все.

– А наш лес как же? – Это была уловка вора, он хотел проверить, насколько важен груз для Сирийца. Тот, видимо, думал о чем-то своем, если так легко попался на крючок.

– Брось, – сказал он, махнув рукой, – брось его к чертовой матери. Самое главное – эти два ящика. А все остальные вагоны никуда не пропадут. Кому они нужны в Финляндии? Приедешь из порта и все оформишь. Ты меня понял?

– Не беспокойся, все сделаю.

– Сумеешь сделать так, чтобы быстро вынуть из вагона эти ящики?

– За одну минуту достанем, – усмехнулся Сухарев, – откроем задвижки, первая партия леса упадет, и тогда можно будет доставать ящики. Мы уже так делали. А лес мы потом соберем. Заплатим триста марок, и любая машина-погрузчик нам его за один день соберет. Правда, финны иногда придираются, просят еще и штраф заплатить.

– С этим проблем нет.

Сириец достал из кармана пачку долларов, протянул Сухареву.

– Здесь пять тысяч, – сказал он. – Перевезешь нормально груз – получишь столько же. Заплати любой штраф, но, когда Федор подъедет к тебе с машиной, чтобы ты весь лес забыл к чертовой матери и сам лично проследил за ящиками. Ты меня понял?

– Конечно, понял. А лес мы соберем, не беспокойся. Даже если штраф заплатим, соберем.

– Это правильно, – кивнул Сириец, потом вдруг спросил: – Ты опять пил?

– Да нет, немного коньяку выпил. Как обычно, на дорожку. Вот ребятам везу, для Феди и для остальных.

– Ты за старое не принимайся, – строго посоветовал Сириец, – а то знаю я тебя, запой начнется, так тебя потом и не остановишь.

– Не волнуйся, – улыбнулся Сухарев, – все будет чин чинарем.

– И без глупостей, Сухой, – сказал напоследок Сириец, очевидно, все-таки понявший, почему Сухарев спрашивал об основном грузе. – Ты смотри, – погрозил он, – со мной свои воровские штучки бросай. Я на Колыме вкалывал, когда ты еще сопли утирал. Молод еще меня накалывать. С твоими вагонами ничего не произойдет. Плюнь на них, – снова жестко повторил Сириец, – ты теперь должен помнить только о ящиках. – И вдруг крепко схватил Сухарева за ворот пиджака, притягивая его к себе. – Не дури только, – сказал он, почти касаясь губами уха Сухарева. – Если вдруг ящики не дойдут до Хельсинки, тебя будут искать по всему миру. Вся братва искать будет. Сам понимаешь – шансов у тебя никаких.

И, оттолкнув опешившего Сухарева, зашагал к своему автомобилю.

Вашингтон

Агентство национальной безопасности. 7 августа

Когда Ньюмену принесли сообщение из ЦРУ, он не поверил собственным глазам. Вчитываясь в слова сообщения, он изумленно спрашивал себя, как такое могло произойти. И сразу, подняв трубку, позвонил государственному секретарю США, решив, что сначала нужно посоветоваться с ней, прежде чем беспокоить Президента. Она находилась в самолете, возвращаясь из Европы, и была как раз над Великобританией, когда Ньюмен потребовал соединить его с ней. Впервые в истории на посту государственного секретаря США оказалась женщина, и она отличалась характером и напором ретивого, наглого бульдога.

– Что случилось, Ньюмен? – тяжелым голосом спросила она. – Я только собралась отдохнуть перед приездом в Вашингтон.

– У нас срочное сообщение, – быстро произнес Ньюмен, – передано из Москвы. Кажется, у русских большие проблемы.

– У них всегда большие проблемы. – В голосе государственного секретаря почувствовалась легкая ирония. – Что вы имеете в виду, говорите конкретнее.

– У меня на столе сообщение из Лэнгли. Похоже, в России пропали ядерные боеголовки.

– Этот сюжет оставьте для фантастов, Ньюмен, или для авторов дешевых детективов, – злым голосом посоветовала государственный секретарь. – Мне надоело объяснять всем, что ни одна русская боеголовка не может исчезнуть так, чтобы мы этого не заметили. Точно так же, как и наше оружие не может перемещаться, чтобы это не засекли со спутников русских. Позвоните военным – они вам все объяснят. Мы полностью контролируем ситуацию, я много раз получала по этому поводу самые серьезные заверения военных. У вас ко мне больше ничего нет?

– Подождите, – попросил Ньюмен, понимая, что она собралась прервать разговор. – Речь идет не об обычном ядерном оружии, а о так называемых «ядерных чемоданчиках». У русских в ядерном Центре обнаружена пропажа. Вы меня понимаете? По этому поводу уже было созвано срочное совещание у Президента России. Речь идет об исчезновении миниатюрных ядерных зарядов, которые могут быть использованы террористами.

Наступило молчание. Очевидно, государственный секретарь переваривала информацию.

– Вы меня слышите? – забеспокоился Ньюмен.

– Слышу, – ответила государственный секретарь. – Я узнавала, когда мы приземлимся в Вашингтоне. Я буду через пять часов. Сообщите обо всем президенту, Ньюмен. И переговорите с военными. Я сразу приеду в Белый дом.

Он понял, что получил ее согласие, и сразу же позвонил директору ЦРУ и строго спросил:

– Ваше сообщение уже отправлено президенту?

– Вы же знаете, что наш офицер отвозит аналитический обзор в Белый дом каждое утро, перед завтраком президента, – ответил директор ЦРУ. – Я его визировал, еще не зная о сообщении из Москвы. Но я уже звонил и просил президента принять меня после ленча.

– Это слишком поздно, – разозлился Ньюмен. – Я еду в Белый дом, и вы немедленно отправляйтесь туда же. Проблема слишком серьезная, чтобы мы могли ее игнорировать.

– У нас нет абсолютного подтверждения этого сообщения, – осторожно заметил директор ЦРУ.

– Достаточно и того, что такое сообщение появилось вообще, – отрезал Ньюмен. – О ядерных зарядах малой мощности не знает никто. Выдумки журналистов мы не берем в расчет. Даже в ЦРУ мы не сообщали о создании подобного оружия. У нас о нем известно лишь единицам.

– Да, – согласился его собеседник, – наши специалисты знают о нем. Они считают, что французы также близки к созданию подобного оружия. Но пока миниатюрные ядерные бомбы есть только у нас и у русских.

– Я еду в Белый дом, – решительно сказал Ньюмен. – Это слишком серьезная проблема, чтобы мы могли обсуждать ее по телефону.

Он положил трубку, задумался, глубоко вздохнул и снова поднял трубку телефона, попросив секретаря соединить его с президентом.

– Он занят, – сухо сообщила секретарь.

– Срочно соедините, – настаивал Ньюмен. – У меня важное дело.

– Вы не можете подождать?

– Нет.

– Сейчас попробую найти его.

Президент обсуждал с дочерью проблемы ее учебы в университете. Он, как обычно, пребывал в хорошем настроении, и ему нравилось играть роль тактичного отца, наставляющего молодую девушку. Когда ему доложили, что звонит директор Агентства национальной безопасности, он поморщился. Президент не благоволил этому желчному, рассудительному и прагматичному аскету Ньюмену, который был как бы вечным укором жизнерадостности самого президента. Но как политик и руководитель он высоко ценил Ньюмена, умевшего мыслить аналитически и всегда выдавать точные, емкие формулировки. Президент подошел к телефону.

– Что случилось, Ньюмен? Вы опять беспокоите меня по вашим неотложным делам? – пошутил президент.

– Господин президент, – сухо обратился Ньюмен, – мне нужно срочно с вами увидеться.

– Что, так срочно? – спросил президент, изменившись в лице. Он знал, что Ньюмен не станет беспокоить его по пустякам.

– Очень срочно, – подтвердил тот.

– Тогда приезжайте. – Президент положил трубку и рассеянно посмотрел на дочь, забыв о роли заботливого отца. Она поняла, что случилось нечто серьезное, и, улыбнувшись ему на прощание, вышла из кабинета. Он остался один и задумчиво смотрел в окно, пока не решил, что нужно пройти в Овальный кабинет.

Ровно через полчаса приехал Ньюмен, почти одновременно с директором ЦРУ, который воспользовался вертолетом, чтобы успеть вовремя. Вдвоем они прошли к президенту. Тот уже успел переодеться и принял их в своем кабинете.

– Господин президент, – начал Ньюмен, – речь идет о серьезной опасности, которую мы не можем недооценивать. Судя по сообщениям ЦРУ, в России исчезли два ядерных заряда малой мощности, которые могут быть использованы террористами или любыми экстремистами в своих целях.

– Ядерное оружие, – покачал головой президент. – Если бы случилось что-нибудь подобное, мне сразу бы сообщили военные. Они уверяют меня, что держат под контролем все ядерные боеголовки русских. На эту тему мы много раз говорили с Президентом России. Наши эксперты выезжали к ним, а русские эксперты побывали у нас. Возможность хищения ядерных боеголовок практически равна нулю.

– Это не обычное ядерное оружие, – пояснил Ньюмен, – не то, за которым мы следим и которое попадает под наши договоры об ограничении стратегических вооружений. Обычный ядерный заряд без носителя взорвать невозможно, а похитить ракету действительно невероятно трудно. Но речь идет о ядерных зарядах малой мощности, которые были разработаны по специальной программе КГБ для использования в особых целях.

– Но КГБ уже давно нет, – развел руками президент.

– А оружие осталось, – с нажимом произнес Ньюмен. – Это как раз то оружие, о котором мы постоянно напоминали русским. Это не обычная ядерная боеголовка, для которой

нужны шахты, пускатели, стационары, носители и другая техника. Это небольшой ядерный заряд, который можно доставить в любую точку страны, в любое место и взорвать по своему усмотрению. Это так называемые «ядерные чемоданчики».

– Они действительно как чемоданы? – встревоженно спросил президент.

– Нет. Они чуть больше, но это не имеет принципиального значения. Главное состоит в том, что такое оружие может сработать где угодно, в любом месте, в любой точке планеты.

– Я позвоню Президенту России, – решительно сказал президент.

– Нет, – вмешался директор ЦРУ, – в окружении Президента России у нас есть ценный человек. Если вы сейчас позвоните в Москву, мы его рассекретим. А мне не хотелось бы терять столь важный источник информации, господин президент.

– Тогда что вы от меня хотите? – поднял брови президент.

– Мы должны уже сейчас передать рекомендации во все наши посольства, во все представительства, предупредить наших военных, особенно на кораблях, стоящих в Персидском заливе. Им необходимо тщательно проверять каждый груз, который будет доставлен к ним. Проверять прежде всего на радиоактивность, – предложил директор ЦРУ. – Как уверяли меня наши специалисты – это оружие очень радиоактивно. Я думаю, в ближайшие два-три дня мы будем иметь более оперативную и свежую информацию.

– А если что-нибудь случится до этого? – спросил Ньюмен.

Директор ЦРУ молчал. Он не имел права соглашаться и выдавать свой источник информации. Но и отвечать на вопрос Ньюмена тоже не хотел. Поэтому он сидел и молчал, предоставив право решения самому президенту.

– Хорошо, – вздохнул президент, – мы подождем один день. Продумайте за это время ваши рекомендации. Мне бы, конечно, не хотелось вмешиваться в работу ЦРУ, но всему есть предел. Когда речь идет о безопасности страны... – Он посмотрел на директора ЦРУ, и тот поднялся, мрачно кивая головой. Ньюмен поднялся следом. – Я жду ваших рекомендаций, – уже более строго сказал президент. – Это проблема не только русских. Это и наша проблема. Наша с вами.

Поселок Чогунаш. 7 августа

В это невозможно было поверить, но водителя так и не смогли найти. Он во второй раз не пришел ночевать домой. Была объявлена общая тревога, перекрыты ближайшие железнодорожные станции, аэропорт. Земсков понимал, что все это запоздалые меры. Если водитель был виноват, то он уже далеко.

Офицеры ФСБ прочесали весь научный городок, весь Центр, но обнаружить водителя нигде не удалось. Семен Мукашевич, сорокавосемилетний прапорщик, работавший водителем спецавтомобиля и получавший большие деньги, даже по сибирским меркам, за вредность своей работы и выслугу лет, исчез, не оставив никаких следов. Объяснение могло быть только одно – он был связан с погибшими учеными и решил скрыться, чтобы избежать их участи. Или избежать ареста, если это он убил их.

В квартире Мукашевича был произведен обыск, но, кроме небольшой пачки долларов неизвестного происхождения, больше ничего обнаружить не удалось. Пачка, правда, быладохлая, всего восемь бумажек по сто долларов. Жена Мукашевича слезно уверяла, что это их собственные деньги, которые она обменяла в прошлом году в Нижнем Новгороде, когда была у своей матери.

К утру в кабинете Добровольского, ставшем штабом расследования, собрались офицеры – Ильин, Левитин, Машков. Генерал Ерошенко почернел за этот день. Он понимал, что теперь основная вина ложится на его ведомство. Исчез не просто водитель спецмашины, исчез военнослужащий, оказавшийся к тому же убийцей и виновным в хищении двух ядерных зарядов. Правда, винтовку пока не нашли, но все были уверены, что стрелял именно Мукашевич. Он был охотником и в свободные дни часто уезжал на охоту, довольно далеко от поселка. Его собственная винтовка была другого калибра, чем та, из которой было пробито переднее колесо автомобиля погибших ученых, но многие уже считали именно Мукашевича виновным в их смерти. Хотя бы потому, что другого кандидата в убийцы в Центре пока не обнаружилось.

Добровольский настаивал на немедленном освобождении Сырцова и Волнова из-под домашнего ареста, и Земскову скрепя сердце пришлось согласиться. Хотя бы для того, чтобы оба офицера помогли в поисках Мукашевича. Оба предстали перед генералом мрачные и хмурые, понимая, что их карьера все равно закончена. Сырцов был немного старше своего заместителя. Оба стояли перед Земсковым, ожидая его дальнейших распоряжений. Он не предложил им садиться. Рядом с Земсковым устроился Ерошенко. Еще трое старших офицеров, проводящих расследование, сидели в разных местах. От Земскова не укрылось то, с каким недовольством Машков посмотрел на него, когда он не позволил Сырцову и Волнову отвечать на вопросы сидя.

– Как могло получиться, что ядерные заряды были украдены еще в июне, а вы обнаружили их отсутствие только сейчас? – грозно спросил Земсков.

В кабинете не было академиков и не велась запись беседы. И теперь он мог не сдерживать своего гнева.

– Плановая проверка проводилась в начале июня, – хмуро ответил Сырцов. – По правилам – контейнеры нельзя все время вскрывать. Мы проверяем их каждый день, не входя в хранилище. А контейнеры вскрывают только ученые раз в несколько месяцев. Похитители все рассчитали, – добавил он угрюмо.

Волнов был заметно угнетен. Земсков посмотрел на него. Рыжеватые волосы, волевое, умное лицо.

– Хотите что-то добавить, подполковник? – спросил генерал.

– Да, – кивнул Волнов. – Я проводил разработку Мукашевича. У него брат живет в Германии, он женат на немке. Вообще-то раньше с такими связями на подобную работу не принимали, но теперь другие времена...

– Раньше нужно было об этом думать, – прервал его Земсков и закричал: – Нечего оправдываться – вы оба пойдете под суд.

Офицеры молчали. Произошло нечто такое, что не укладывалось в их сознании. Оба понимали чудовищность происшедшего.

– Два месяца! – закричал Земсков. – Целых два месяца! За это время заряды можно было переправить в Полинезию, в Африку, на Луну. Если бы не прокурор, мы бы до сих пор ничего не знали. Как мы объясним руководству ваш провал, что скажем о том, куда делись бомбы?

В кабинете повисло тяжелое молчание. Земсков нервно отвернулся, потом нехотя сказал:

– Возьмите стулья и садитесь, может, от вас будет хоть какой-то толк.

Оба офицера сели в углу. Земсков оглядел собравшихся.

– Нам нужно найти Мукашевича, – твердо сказал он, – видимо, он и был главным организатором случившегося. Кому еще могла прийти в голову идея использовать вывоз радиоактивных отходов для похищения ядерных зарядов? Он подговорил ученых, которые неизвестно каким образом сумели вытащить ЯЗОРДы из хранилища и вывезли их на его автомобиле. И на следующий день он выстрелил в колесо их машины, отчего произошла авария и оба погибли.

Он видел, как согласно кивнул даже Ерошенко, уже осознавший, что и ему придется несладко.

– Нет, – вдруг вмешался Машков, – не получается. Я уже проверил.

– Что не получается? – разозлился Земсков. У него появилась наконец стройная теория заговора военных и ученых, к которому ФСБ не имела никакого отношения. Но этот упрямый полковник все портил. – Почему не получается? – еще раз спросил генерал.

– Десятого числа машина, за рулем которой находился Мукашевич, вывезла груз, а одиннадцатого он был отправлен в командировку в Иркутск, – пояснил Машков. – Я уже все проверил. Командированных было четверо, и Мукашевич все время находился с ними, никуда не отлучаясь. Он бы не сумел прилететь обратно в Центр, прострелить переднее колесо и улететь снова.

– Тогда скажите, кто мог это сделать, – предложил с неприятной улыбкой Земсков, увидев, как обрадовался Ерошенко. В его словах был скрытый подтекст. Раз ты такой умный, то найди убийцу, как бы говорил генерал.

– Думаю, в любом случае не Мукашевич, – твердо ответил Машков. – Я просмотрел его личное дело. У него не было даже высшего образования. Продумать такую схему похищения он не мог. Это сделал кто-то другой.

– По-вашему, все убийцы должны быть обязательно с высшим образованием, – усмехнулся Земсков.

– Не все. Но тот, кто спланировал это похищение, обязательно должен был все учитывать, – твердо сказал Машков. – И этот человек сумел рассчитать траекторию падения машины, выстрелив в нее именно на обрыве, именно в нужной точке.

– А где же тогда винтовка?

– Ее уже давно здесь нет, – убежденно ответил полковник. – Убийца не настолько наивен, чтобы оставлять ее в Центре. Он давно избавился от нее.

– Все у вас складно получается, – вмешался Ерошенко. – Но где заряды и кто убийца? Вы знаете ответ?

– Нет, товарищ генерал.

– Тогда сидите и молчите, – махнул рукой Ерошенко, – а когда будете знать – скажете. Хорошо вам вот так сидеть и философствовать. А мы обязаны доложить своему руководству, кто виноват и где эти проклятые «ядерные чемоданчики».

Машков молчал. Утерли ему нос, с неожиданным злорадством подумал Земсков.

– Нужно искать следы Мукашевича, – настойчиво заговорил генерал. – Он не винтовка, два месяца назад не пропал. Машков – ответственный за розыски, – добавил он. – Левитин и Ильин продолжают допрос свидетелей. Подключите всех офицеров в помощь. Пусть Сырцов и Волнов вам помогают. Мы должны знать, останавливалась ли машина у лаборатории во время выезда или нет.

– Разрешите, товарищ генерал. – Опять этот Машков лезет со своими вопросами. Вот пусть поищет Мукашевича и, когда не найдет его, получит свое взыскание... Тоже мне умник.

– Что у вас? – раздраженно спросил генерал.

– Я подумал, что мы можем применить метод, который позволит нам определить возможность вывоза из Центра похищенных зарядов. Метод, так сказать, академика Финкеля. Надо проверить наличие радиоактивности у дверей лаборатории, там, где обычно останавливался автомобиль. Если ядерные заряды грузили оттуда, то радиоактивность еще должна была сохраниться, хотя бы фон, даже по истечении двух месяцев.

– Что вы кончали? – спросил генерал. – Какой институт?

– Физтех, – улыбнулся Машков, – собирался стать ученым, но так уж получилось... Тогда отправляли в КГБ по комсомольскому набору.

– Ясно. – Земсков впервые посмотрел на своего офицера с некоторым удовлетворением. Если это сработает, то уже неплохо, можно будет точно доказать, что действительно виноваты ученые Центра, который находился в ведении Министерства обороны, а помогал им военно-служащий.

Все происходящее генерал рассматривал только с точки зрения собственного благополучия. Он понимал, что ему все равно придется несладко. Но одно дело разделить эту ответственность пополам и получить выговор, и совсем другое – отвечать за все лично и быть уволенным из органов ФСБ.

– Проверьте, – сказал он, – все проверьте и доложите.

Вошел офицер и, спросив разрешения у генерала, протянул Машкову лист бумаги.

– Только что получили, товарищ полковник, – доложил он.

– Что у вас? – быстро спросил Земсков.

– Результаты экспертизы видео пленки, товарищ генерал, – пояснил Машков. – Я посылал в Москву, чтобы срочно проверили. Эксперты установили, что один и тот же сюжет повторен дважды. Причем второе повторение прошло девятого июня. Кто-то изменил программу компьютера и сумел провести один сюжет дважды.

– О чем вы говорите? – не понял Земсков.

– Каждый, кто входит в хранилище, фиксируется на пленке камеры слежения, и этот эпизод вносится в компьютерную память, – пояснил Машков. – Я проверил журналы учета и обнаружил, что Суровцев и Глинштейн входили в хранилище несколько раз в начале июня. Каждый, перед тем как войти в лифт, еще и отмечается в специальном журнале. Вот я и решил сличить данные журнала и компьютерной записи. Попросил в Москве срочно проверить в нашем отделе.

– Ну и что?

– Дважды повторен один и тот же эпизод. Кто-то внес в программу изменение. Очевидно, эти двое все-таки выносили заряды из хранилища.

– А как они их потом поднимали наверх?

– Там охрана стоит не всегда, – пояснил Сырцов, – иногда офицеры отлучаются. По правилам они не должны там находиться все время, только дежурный.

– Когда зафиксировано смещение эпизодов?

– Девятого, как раз в день вывоза отходов.

– Дежурный мог не знать, что это заряды, – пояснил Сырцов. – Он не проверяет, что и куда несут ученые. Его задача не пускать в лифт посторонних и не выпускать посторонних.

– Все правильно, – зло сказал Земсков. – Он охраняет хранилище от людей, вместо того чтобы охранять заряды.

– По нашей инструкции он обязан проверять всех входящих и выходящих, а не ученых с их оборудованием, – пояснил Сырцов.

– Поэтому у вас и случаются хищения, что у вас такие дурацкие инструкции, – закричал Земсков. – Срочно проверьте, кто имел доступ к компьютеру. Все срочно проверьте и доложите.

– Слушаюсь.

– Возьмите людей и проверьте эту чертову радиоактивность, – продолжал бушевать генерал. – Все проверьте. У вас тут не Центр, а настоящий вертеп. Никакой дисциплины, каждый делает что хочет. Проверьте все наконец и найдите, куда могли деться эти проклятые заряды. Опросите соседей убитых, может, они их дома прятали, – зло закричал он, понимая, что этого не может быть. – Должны же остаться хоть какие-то следы.

Раздался резкий телефонный звонок. Все вздрогнули, настолько были напряжены нервы. Ерошенко, сидевший рядом со столом, протянул руку и взял трубку. Потом сказал:

– Вас, товарищ генерал.

Земсков выхватил трубку. Это был директор ФСБ.

– Что у вас там происходит? – спросил он. – Есть новости?

– Мы проводим расследование, – чуть запнувшись, доложил уже совсем другим голосом Земсков. – Установлена и доказана вина двух погибших ученых, которые похитили заряды из хранилища. Большую помощь нам оказали академики Финкель и Архипов. – Он специально говорил много, оттягивая самое важное сообщение, которое больше всего интересовало директора.

– Где заряды? – перебил тот своего заместителя.

Нужно было решаться. Все равно рано или поздно придется сообщить. Земсков взглянул на напряженно глядевших на него офицеров и глухо сказал:

– Нами установлен сообщник погибших ученых, который помогал им вывозить заряды с территории Центра. – Он все-таки не рискнул сказать, что ядерных зарядов в Центре уже нет.

– Как это «помогал вывозить»? – спросил директор. – Значит, их нет в Центре?

– Нет, товарищ генерал, – сообщил Земсков убитым голосом.

На другом конце провода шумно задышали. У директора было невероятное терпение, если даже в этот момент он не выругался.

– Чего ты мне басни рассказываешь? – прошипел он. – Значит, у нас из-под носа украли бомбы, а мы ничего не знали. Когда их украли? – Земсков молчал. – Ты меня слышишь? – Директор никогда не позволял себе обращаться к своим подчиненным на «ты», и это было самым верным показателем его раздражения.

– По нашим сведениям, их вывезли из Центра два месяца назад, – сообщил Земсков, ожидая нового взрыва. В трубке воцарилось долгое молчание. Потом директор, не сказав больше ни слова, просто положил трубку. Очевидно, опасаясь сорваться.

Земсков тоже положил трубку и целую минуту ждал, когда аппарат снова зазвонит. Не дождавшись, он с потерянным видом обратился к Машкову:

– Продолжайте ваше расследование, полковник. У нас мало времени.

И в этот момент снова зазвонил телефон. Земсков схватил трубку, ожидая, что это звонит по прямому проводу директор ФСБ, и услышал незнакомый голос.

– Кто говорит? – раздраженно спросил голос. – Это не вы, Игорь Гаврилович?

– Нет. Говорит генерал Земсков, – четко, по-военному ответил Земсков, понимая, что по этому телефону может позвонить только очень ответственный руководитель.

– Там у вас должен быть генерал Ерошенко, – сказал руководящий баритон. – Дай мне его к телефону, генерал. Сумеешь найти его?

– Он рядом. – Земсков протянул трубку своему коллеге, понимая, что теперь настала очередь того выслушивать очередную порцию недовольства. Он наконец узнал этот голос. Это был министр обороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.